

ЮНЫЙ ХУДОЖНИК

СИБИРЬ ДРЕВНЯЯ И МОЛОДАЯ

Чудесный край. С большим будущим.

В. И. Ленин

Сибирь. Огромный, удивительный край нашей Родины. Он занимает почти половину территории Советского Союза, превышает площадь всей Европы. Сегодня это поистине страна открытий, невиданного по размаху строительства, расцвета науки и культуры. Печально знаменитая в недавнем прошлом каторгой да ссылкой окраина царской России — Сибирь волею партии, самоотверженным трудом народа преобразилась за годы Советской власти. Ее несметные богатства служат человеку: это нефть и газ, запасы черных и цветных металлов, угля, древесины, электроэнергии.

Но не просто взять у земли сибирской ее богатства: сурова природа, труднодоступны залежи и месторождения полезных ископаемых. Поэтому и пролегла на просторах от Байкала до Амура железнодорожная магистраль, прокладку которой назвали стройкой века. Вдоль нее возникли молодые города и поселки, закипела жизнь. Но это только начало. Дорога проходит по районам с богатейшими запасами угля, руды, леса, разнообразных минералов.

Весомый вклад в развитие экономики, производительных сил страны вносит Сибирское отделение Академии наук СССР. Сформирована и претворяется в жизнь грандиозная научная программа «Сибирь», цель которой — поиск удобных и выгодных приемов освоения природных ресурсов края, с тем чтобы как можно скорее поставить их на службу людям. Ведь от темпов развития Сибири во многом зависит экономика нашей страны в целом.

Велика и могуча богатейшая силища Сибири — ее щедрой земли, людей. Неповторимый народный характер, своеобразие природной и географической среды, экологические условия Сибири всегда привлекали внимание исследователей, ученых, путешественников, писателей и художников.

В глубины тысячелетий уходят истоки культуры Сибири. В 1871 году в Иркутске обнаружены прекрасные образцы первобытного искусства, возраст которых около 20 тысяч лет. Эти изделия из кости давно вымерших животных — мамонта и носорога — были первыми у нас в стране находками, относящимися к столь отдаленному времени.

Уникальные творения доисторических мастеров открыты в годы Советской власти. Во время раскопок палеолитических поселений Мальта и Буреть, проведенных в 20—30-х годах профессором М. М. Герасимовым, не только ученым, но и прекрасным скульптором, и академиком А. П. Окладниковым (кстати, оба они иркутяне, вместе занимались в археологическом кружке при Иркутском университете), найдены многочисленные предметы искусства эпохи палеолита — антропоморфной и зооморфной

скульптуры из кости: женские статуэтки, птицы, змеи, изображения мамонтов.

По берегам Ангары, Оби, Томи, Енисея, Лены обнаружены целые галереи наскальных росписей — писаниц, сделанных во времена неолита — 5—8 тысяч лет тому назад. Некоторые острова на Ангаре сплошь были покрыты рисунками художников каменного века. Это в основном изображения зверей — красавца тайги лося, основной добычи первобытных охотников, рыб, бытовых сцен. Причем писаницы выполнены на камне и, конечно, не одним человеком — поколениями талантливых людей. Поэтому что работа над одним таким изображением занимает многие месяцы, а рисунков — сотни, тысячи, и относятся они к разному времени. Поражает мастерство первобытных художников: все делалось сразу, в твердом материале, на века и тысячелетия.

В 20—30-х годах проводились раскопки Пазырыкских курганов на Алтае. Они замечательны обилием и разнообразием памятников художественного творчества племен, близких по культуре к скифам Причерноморья. Вечная мерзлота донесла до нас в небывалой сохранности погребения людей с лошадьми, предметы быта, домашней утвари, декоративно-прикладные изделия, относящиеся к V—III векам до нашей эры. Сохранилась даже деревянная колесница, сделанная без единого гвоздя, с четверкой упряжных лошадей. Пазырыкские находки относятся к выдающимся экспонатам собрания Государственного Эрмитажа и свидетельствуют о широких связях древнейших народностей Алтая, о преемственности в культуре древнего и аборигенного населения. В последние годы ведутся раскопки «малых» Пазырыкских курганов — захоронений простых общинников.

Многочисленные исследования говорят о самобытности творчества коренного населения Сибири. И это связано с наследованием многих элементов в искусстве, духовной культуре, в живой связи традиций сотен поколений. У нанайцев, ульчей, удэгейцев, например, которые живут по берегам Амура, в поделках из бересты, аппликациях на одежде, головных уборах, рукавицах мы видим те же самые, прошедшие через века сюжеты: знаменитую «амурскую спираль», встречающуюся на глиняных первобытных сосудах, маски-личины, затейливые узоры-плетенки, орнамент в виде рыбьей чешуи, которые бытовали у населения 5—6 тысяч лет назад. Очевидна непрерывность развития культуры народов Сибири и Дальнего Востока. И это еще одно доказательство, что не существовало народов без культуры и вне истории.

В 1851 году с походом в Сибирь Ермака Тимофе-

А. Арсеньев.
Советский человек, земли
хозяин.
Плакат. 1977

В. Ж е м е р и к и н.
Бригада строителей
из Магистрального.
Из цикла «Мы на БАМе».
Фрагмент.
Масло. 1976.

евича, о котором Н. М. Карамзин сказал, что он «был роду безвестного, но душою великой», началось освоение огромного таежного края русскими, которые продвигались все дальше на восток. За Ермаком, похороненным воинами Кучума с великими почестями «под кудрявой сосной» на древнем своем Бегшевском кладбище, потянулись другие ватаги крестьянской вольницы. Это именно она, безвестная крестьянская вольница, пролагала пути сквозь тайгу и тундру, шла через волоки, по малым и великим сибирским рекам, двигалась неумолимо и неудержимо навстречу солнцу, на восток и на север Сибири. Это он, крестьянин, мастер на все руки, строил переправы, рубил остроги и города, вышел к Тихому океану, на Сахалин и Курилы, Камчатку и Аляску — Русскую Америку.

Много было в те годы одаренных и смелых людей, оставивших заметный след в истории сибирской культуры. Но о немногих осталась память. Если говорить о XVII веке, одним из таких людей необыкновенного таланта и широты знаний был Семен Ульянович Ремезов. Историки называют его истори-

ком, этнографы — этнографом. Он был первым сибирским архитектором и градостроителем, художником и картографом. Замечательным произведением графического искусства, где удачно сочетаются научное исследование и художественное дарование, стал его «чертеж всей Сибири» — первая карта, куда нанесены крупные реки и озера, города и остроги, достопамятные места.

Как во все времена и у всех народов, художественные ценности в Сибири создавались руками простых людей. Об отменном вкусе безвестных древних зодчих дает представление, например, Спасо-Зашиверская церковь, построенная в 1700 году в городе Зашиверске на Индигирке, за Северным полярным кругом.

В Сибирь пришли талантливые и трудолюбивые люди. И благодаря их творческому труду, под влиянием культуры русского народа, помноженной на опыт и традиции коренных народов, в XVII—XVIII веках идет быстрый процесс первого освоения Сибири. Вспомним колонизацию Америки. Араваки, так называли себя обитатели нового континента, которые первыми встретили экспедицию Колумба добрыми улыбками и с открытой душой, через 20—30 лет были истреблены испанскими завоевателями. Союз креста и меча конкисты разрушил цветущие индейские общества ацтеков, майя, муисков, в огне пожаров были уничтожены колоссальные исторические и культурные ценности, от войн, эпидемий и голода погибли миллионы людей, вина которых была только в том, что они имели другой язык, другую религию.

Освоение Сибири русскими носило совершенно другой характер. Не случайно великий свободолюбец Александр Радищев, находясь в заточении в Илимском остроге, написал замечательный исторический очерк «Сокращенное повествование о приобретении Сибири». Именно о приобретении, а не о завоевании. И освоение шло в тесном содружестве русской культуры и культуры аборигенов. Народы Сибири сохранили свой язык, культуру, искусство, в годы Советской власти получили письменность.

Богат духовный мир аборигенов Сибири. И одним из проявлений его богатства является фольклор, который зарождался на заре истории и передавался от поколения к поколению. Героический эпос якутов (олонхо), бурят (гэсэр), алтайский, тувинский, хакасский эпосы широко известны в мире. По подсчетам фольклористов, этот огромный массив творений коллективного ума и художественной фантазии по объему составляет около 70 «Одиссей» Гомера.

С XIX века царское правительство превратило Сибирь в край ссылки. В Сибирь было отправлено много одаренных, умных, высокообразованных людей, оставивших глубокий след в истории и развитии культуры края. Прежде всего это декабристы. Они много сделали в области народного образования, театра, литературы, исследования природных богатств и развития сельского хозяйства Сибири. Эстафету духовных, просветительских традиций декабризма продолжили сосланные в Сибирь петрашевцы и Чернышевский, а затем — большевики.

Особенно значительной в развитии культуры Сибири оказалась вторая половина XIX — начало XX века. Достаточно упомянуть знатока сибирского

характера Д. Н. Мамина-Сибиряка или одного из титанов русской живописи — В. И. Сурикова, великого ученого Д. И. Менделеева, автора знаменитого романа «Угрюм-река» В. Я. Шишкова, чтобы оценить вклад, сделанный этими великими сибиряками в сокровищницу отечественной культуры.

Давно и прочно вошло в нашу жизнь понятие «сибирский характер». Действительно, когда мы говорим о сибиряках, в сознании возникают образы людей с основательностью в делах и мыслях, открытостью души ко всему доброму, ее широтой, правдивостью и честностью, пылкостью и трудолюбием, спокойной уверенностью в жизни, завтрашнем дне. В течение многих лет мне приходится бывать с экспедициями в самых различных местах Сибири и Дальнего Востока. И всегда поражаешься прекрасным качествам характера людей, живущих в этих краях, тем его сторонам, которые формируются под воздействием здешних условий, помогают раскрыться талантам человека, где бы он потом ни жил.

История Сибири и ее сегодняшний день, красоты природы и богатый внутренний мир людей — все это привлекает мастеров советского искусства, захватывает глубиной, широтой тематики. Сибири посвятили свои лучшие произведения писатели Г. Марков и В. Астафьев, В. Распутин и В. Шукшин, многие советские художники.

Задача ученых сегодня — не только поставить на службу советскому человеку природные дары Сибири, но и сохранить, донести до потомков куль-

турные и духовные богатства. Под Новосибирском началось строительство историко-архитектурного музея под открытым небом, где будет собрана архитектура русских и коренных народов, а также древние изваяния, наскальные рисунки. Уже в этом году в пяти километрах от города науки поднимутся главки Спасо-Зашиверской церкви. Фольклористы, этнографы, художники, музыковеды приступили к подготовке уникального 60-томного издания фольклора народов Сибири. Это будет единственное в мире академическое издание подобного рода, первые тома которого на двух языках — языке носителя и русском — выйдут к 70-летию Великого Октября. К этой дате подготавливаются первые тома двадцатитомного свода памятников истории и культуры Сибири и Дальнего Востока. Археологи приступили к написанию десятитомной археологии Северной Азии. Все эти работы создаются учеными Сибирского отделения Академии наук СССР в содружестве с учеными вузов, работниками культуры и искусства.

Большое и светлое будущее у сибирского края. С каждым годом растет вклад Сибири в хозяйство, экономику, культуру страны, множатся славные дела и начинания сибиряков. Явью становится пророчество великого Михайлы Ломоносова о том, что «российское могущество прирастать будет Сибирью» — древней и вечно молодой.

А. П. ДЕРЕВЯНКО,
директор Института истории, филологии и философии
Сибирского отделения Академии наук СССР,
член-корреспондент Академии наук СССР

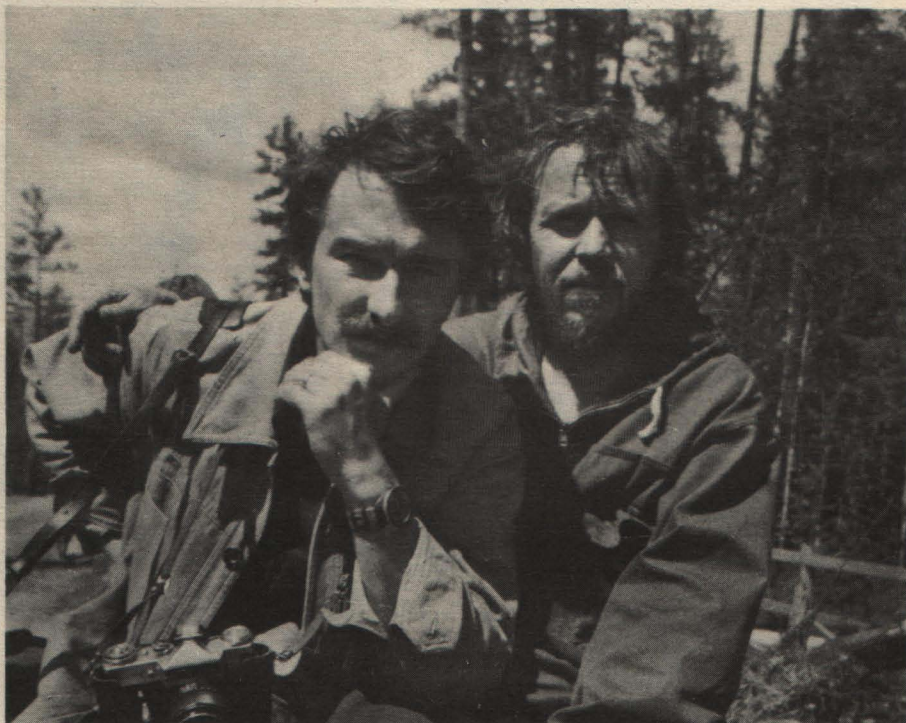
По зову партии комсомол с энтузиазмом берется за решение наиболее важных для страны задач. Весом его вклад в сооружение грандиозной Байкало-Амурской магистрали и построенный в рекордно короткие сроки газопровод Уренгой — Помары — Ужгород, в преобразование российского Нечерно-

земья и освоение богатств Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера.

К. У. Черненко
Из речи на Всесоюзном
совещании секретарей
комсомольских организаций
28 мая 1984 года

«...НЕТ НИЧЕГО ЛУЧШЕ БАМа»

Представляем лауреатов премии Ленинского комсомола

Всего несколько месяцев отделяют нас от того торжественного мига, когда в небольшом таежном поселке сойдутся рельсы Западного и Восточного участков БАМа — и стройка века будет завершена! Уложены тысячи километров железнодорожной трассы, дороги новой жизни, которую БАМ принесет огромным районам Сибири и Дальнего Востока. Но как бы значительно ни было народнохозяйственное значение БАМа, оно не должно заслонить от нас и другую ценность этой стройки. Ведь БАМ — это школа мужества, обретения настоящего характера, творчества и мастерства, которую с честью прошли комсомольцы 70—80-х годов. Такой школой он стал для молодых москвичей архи-

тектора Евгения Пожарского и скульптора Виктора Викторова.

Семь лет назад по путевкам ЦК ВЛКСМ они приехали на БАМ в творческую командировку с одной целью — сделать существующие временные поселки строителей более красивыми, благоустроенными. Красота жилья, столовой, Дома культуры — это немаловажное слагаемое хорошего настроения, а следовательно, и радостного труда.

В первую поездку они успели немало: в поселке Беркакит улучшили проект торгово-промышленного центра, подготовили к открытию поселковый клуб: светильники, люстры, чеканка на стенах сделаны руками скульптора. Но с особенной любовью Виктор рабо-

тал над созданием своеобразного сказочного царства на площадке детского сада «Солнышко». Резные зверюшки, избушки, горки, на длинном шесте взметнулся флюгер с жестяным петушком. Да такому городку позавидуют ребяташки и столичного города!

Здесь, в Беркаките, на трассе произошла случайная встреча молодых архитекторов с художником Юрием Ракшой. А через несколько месяцев в Центральном выставочном зале Москвы они увидели свой групповой портрет. Картина называлась «Беркакит-77». Ныне она широко известна и воспринимается нами как собирательный образ молодого творческого поколения 70-х годов.

С Беркакита и началась их дружба со стройкой. Теперь каждый год они стремились приехать на БАМ, чтобы в короткий командировочный срок воплотить те замыслы и идеи, которые обдуманы в Москве. После Беркакита были Кичера, Северобайкальск, Таксимо. Особенно много труда они вложили в строительство поселка Кичера — недаром он был признан впоследствии самым красивым на трассе. Архитекторы сделали перепланировку здания школы, проект нового клуба. Они доказали, что из одних и тех же типовых щитов можно построить оригинальное здание, а не безликий барак.

А скульптор занимался своим делом. Первая из скульптур «Приятного аппетита» украсила здание столовой. И конечно, были работы для детского городка. БАМ — стройка молодежная, и надо подумать о молодых семьях, их детях. Для детей, тех, кто вскоре будет осваивать БАМ, трудиться на БАМе, и надо прежде всего созда-

Архитектор Е. Пожарский и скульптор В. Виктор на БАМе. Фото.

В. Виктор
Монумент в честь
многонационального
Всесоюзного отряда
имени XVIII съезда ВЛКСМ.
Дерево. 1981.

Станция Кичера.

В. Виктор.
Скульптура «Белочка».
Дерево. 1979.
Поселок Кичера.

В. Виктор (скульптор),
Е. Пожарский (архитектор).
Игровая площадка детского
сада «Елочка».
1979. Поселок Кичера.

В. Виктор.
Скульптура «Приятного
аппетита»
(у входа в рабочую
столовую).
Дерево. 1979.
Поселок Кичера.

вать такую среду, которая несла бы радость, оптимизм.

Когда в Москве увидели произведения Виктора — бамовские «Лошадки», «Тройку», «Белочку», — подготовленные для детского городка, то сделали скульптору срочный заказ для Битцевского лесопарка столицы, который входил тогда в зону олимпийского комплекса.

Всего за восемь лет сколько же успел сделать Виктор! Всех работ хватило бы с лихвой на серьезную персональную выставку: и архитектурно-декоративная скульпту-

ра, и памятники, и оформление интерьеров. Да, только на БАМе можно так расти творчески, обрести свое лицо, быстро воплощать замыслы, остро чувствовать необходимость и пользу своего труда.

Во всех скульптурах виден характер Виктора, его восхищение жизнью стройки, его щедрый дар, благодарность молодым строителям, их энтузиазму, о котором не принято говорить пышными словами, а который надо доказывать делом. «В моей жизни нет ничего лучше БАМа», — говорит Виктор.

Может быть, в этой любви к стройке, к ее нешуточной жизни, где все отлично от атмосферы московской, сказываются наследственность, семейные традиции. Отец Виктора принимал участие в строительстве Донбасса в 30-х годах. Там Виктор родился, и детские впечатления вновь ожили на БАМе! Тот же трудовой ритм, та же устремленность в будущее, то же отсутствие меркантильности, то же стремление делать свою биографию с высоких образцов!

Сегодня Виктор снова на БАМе. Он занят возведением монумента строителям магистрали, который будет установлен на месте стыковки. Этот памятник — своеобразный итог восьмилетней работы и жизни скульптора.

Высокой оценкой труда архитектора и скульптора по благоустройству поселков на БАМе стало присуждение им премии Ленинского комсомола. И хочется верить — они многое еще сделают для этой стройки, ведь предстоит огромная работа по освоению территорий, прилегающих к БАМу. Здесь встанут новые заводы, поселки и города. И опыт Евгения Пожарского и Виктора Викторова ценен и для их будущей творческой жизни, и для других архитекторов, художников, которым предстоит создавать новые районы. Ведь БАМ на строительстве трассы не кончается, он только начинается!

Н. ПЛАТОНОВА

ЕНИСЕЙ В ТВОРЧЕСТВЕ ХУДОЖНИКОВ

Не в обиду будь сказано ревнивым почитателям Волги, в своей жизни я не видел реки великопнее Енисея. Пускай Волга нарядная, скромная, грустная красавица, зато Енисей могучий, неистовый богатырь, который не знает, куда девать свои силы и молодость... В берегах Енисею тесно. Невысокие валы обгоняют друг друга, теснятся и опи-

сывают спиральные круги, и кажется странным, что этот силач не смыл еще берегов и не пробуровил гна. На этом берегу Красноярск, самый лучший и красивый из всех сибирских городов, а на том горы... Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!

А. П. Чехов

В самом центре Сибири, от Саянских гор до Ледовитого океана, раскинулся Красноярский край. На его громадной территории могли бы свободно разместиться несколько крупных европейских держав. Удивительно богата и красива красноярская земля. Богата тем, что на ней живет и произрастает, и тем, что хранят ее недра. Красива природой своей — тайгой и тундрой, причем в любое время года. Но, может быть, удивительнее всего сам Енисей, пересекающий весь наш край с юга на север. «Брат океана» — почти-точно величают его в народе.

Могучими реками Сибири, ее первозданно прекрасными и необозримыми просторами постоянно любовались декабристы, отбывавшие здесь царскую ссылку. Многим из них необычная природа края скрашивала тяжелое, однообразное существование. Так, находясь на поселении в Восточной Сибири, Н. В. Басаргин с упоением писал о живописных окрестностях: «Природа так великолепна, так изумительно красива, так богата флорой и приятными для глаз ландшафтами, что бывало, невольно с восторженным удивлением

простоишь несколько времени, глядя на окружающие предметы и окрестности».

Енисейское раздолье, богатырская мощь реки, поэтичность природы издавна привлекали художников. Символично, что первым здесь места писал наш великий земляк Суриков. В его этюдах Енисей запечатлен необжитым и суровым, каким он был в то время. В сущности, Василий Иванович проложил первую глубокую борозду, по которой пошло развитие искусства в Сибири; под обаянием его произведений находилось не одно поколение художников, особенно красноярских.

Много рисовал и писал Енисей ученик Сурикова — видный сибирский живописец и график Д. Каратапов. В раннем детстве, плывя с родителями из Аскиза в Красноярск на плоту, встретился он впервые с рекой и влюбился в нее на всю жизнь. Особенно часто художник изображал весеннее пробуждение сибирского великана: «Ледоход», «Последние льдины», «Енисей после ледохода». Полный свежих сил, вскрылся богатырь на всем своем огромном плесе, сорвал ледяные оковы, разбросал их по берегам и по-

шел, пошел себе дальше уже спокойно, овеяв все вокруг студеным дыханием... Любил Каратанов и ту пору, когда только-только подступает весна, но начали уже таять метровые льды, рассыпаясь на солнце чистейшими изумрудными кристаллами, веерами острых и звонких льдинок. Этот лирический взгляд тоже нашел отражение в полотнах мастера.

Каратанов помог встать на ноги многим молодым художникам, передав им реалистический метод творчества, унаследованный от Сурикова. Едва ли не самым последовательным из них был А. Лекаренко — коренной сибиряк-красноярец, с детских лет впитавший чувство родной земли. Работал он в нескольких жанрах, но ведущим оставался пейзаж, в котором большое место занимает образ Енисея.

Примечательна картина, написанная художником

в 1945 году, в самый канун Победы над фашистской Германией, — «Утро на Енисее». Композиционное и колористическое решение довольно просто, но глубинное содержание полотна весьма значительно. Живописец как бы распахивает перед зрителем ширь великой русской реки, а чистые и радостные краски вызывают в душе необыкновенно праздничное чувство! Несомненно, что во всем строе картины воплотились высокие патриотические переживания автора, связанные с предчувствием народной Победы.

Из других работ Лекаренко вспоминается подлинно эпический пейзаж «В низовьях Енисея». На переднем плане ничего необыкновенного — кусок прибрежной косы, одинокий чум, лодка да три рыбака. А за ними — речная ширь почти до горизонта с еле заметными полосками далеких берегов: почти все простран-

В. Стожаров.
Енисей.
Масло. 1954.

Н. Лой.
Северные рубежи.
Масло. 1965.

Д. Каратанов.
Сибирский дворик.
Карандаш. 1920.

ство холста занимают небо и вода! Соседство человека с этими безгранично распахнутыми далями вызывает былинное чувство: «Высота ли, высота поднебесная, глубота ли, глубота — окян-море...»

Созданием целого ряда произведений, посвященных Енисею, начал свой творческий путь Б. Рязов. Родители были потомственными рыбаками, и детство художника прошло на берегах Волги и Каспия. Здесь и родилась его любовь к водным просторам, даже мечтал стать морским капитаном. Но судьба распорядилась по-иному.

В Третьяковке находится одна из первых енисейских работ Рязова — «Туруханск. Последние льды». В ней необыкновенно сильно передано ощущение суровой красоты северного края. Изображая Енисей с Туруханском на горизонте, автор стремился дать обобщенный образ далекого уголка Сибири — места ссылки многих революционеров. Этой задаче отвечает и сдержанный цветовой строй картины.

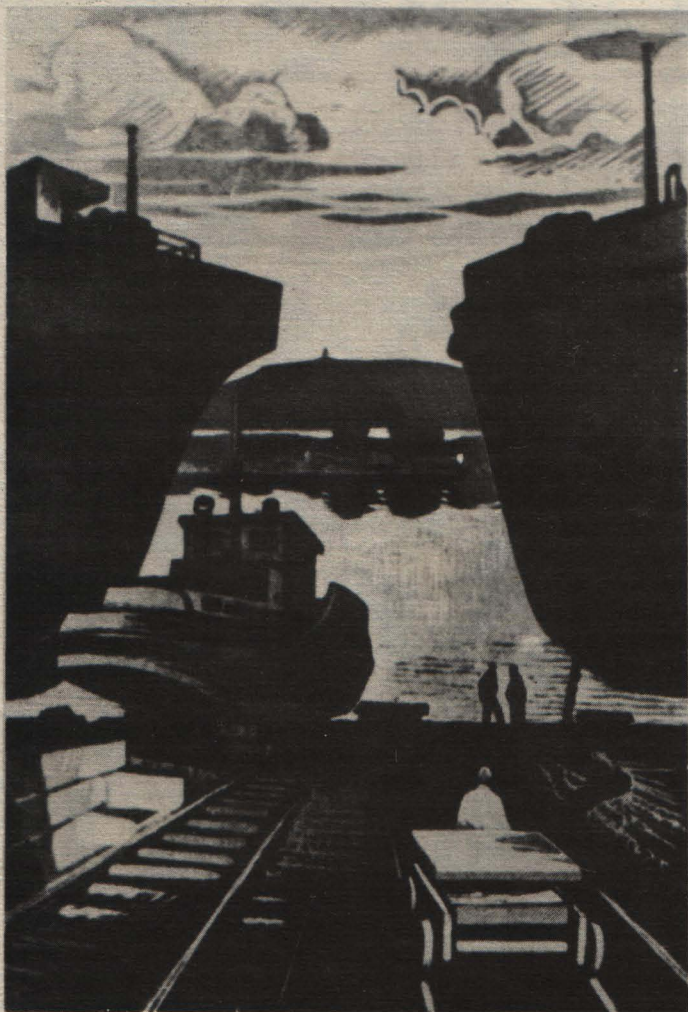

А. Либеров.
В тобольском порту.
Пастель. 1965—1967.

Н. Сальников.
Вечер. Из серии
«Речники Енисея».
Цв. линогравюра. 1973.

В. Башмаков.
Енисейские рыбаки.
Масло. 1974.

Б. Рязузов.
Дом крестьянки
П. А. Петровой.
Из серии «Ленинские места
в Шушенском».
Масло. 1970.

Иначе решен лирико-эпический пейзаж «Енисей. Ночь». На полотне снова бескрайняя водная ширь. Река кажется неподвижной, лишь золотистые блики от горящего на корабле фонаря позволяют заметить легкую рябь. Две трети холста занимает небо. Вдали угадывается силуэт большого города с мерцающими огоньками. Все складывается в цельную картину жизни сегодняшнего Енисея. Немало ярких ее примет и в других работах художника: «Енисей перед ледоставом», «В конце навигации», «В бухте», «В Заполярье» — всюду Рязузов воспеваает щедрую красоту могучей реки и величие дел человеческих.

Енисей изображать трудно. Известный красноярский художник Т. Ряннель не раз говорил, что это многоликая река. Прозрачный, с белыми бурунами в Тодже, темно-зеленый в Саянских горах, неукротимостальной у причалов Красноярска и Игарки, спокойный, до 40 километров в ширину в районе Насоновских островов — все это батюшка Енисей. Такой разный он в работах самого Ряннеля, а их у него на эту тему сейчас около сорока! Волнующее впечатление оставляет пейзаж «Рождение Енисея». Здесь, у истоков, разбивающаяся о камни река напоминает скорее водопад. Образ буйной и дерзкой силы дан и в картине «Енисей. Казачинский порог»: кто бывал в тех местах, знает, что даже сегодня порог преодолевают лишь самые мощные теплоходы.

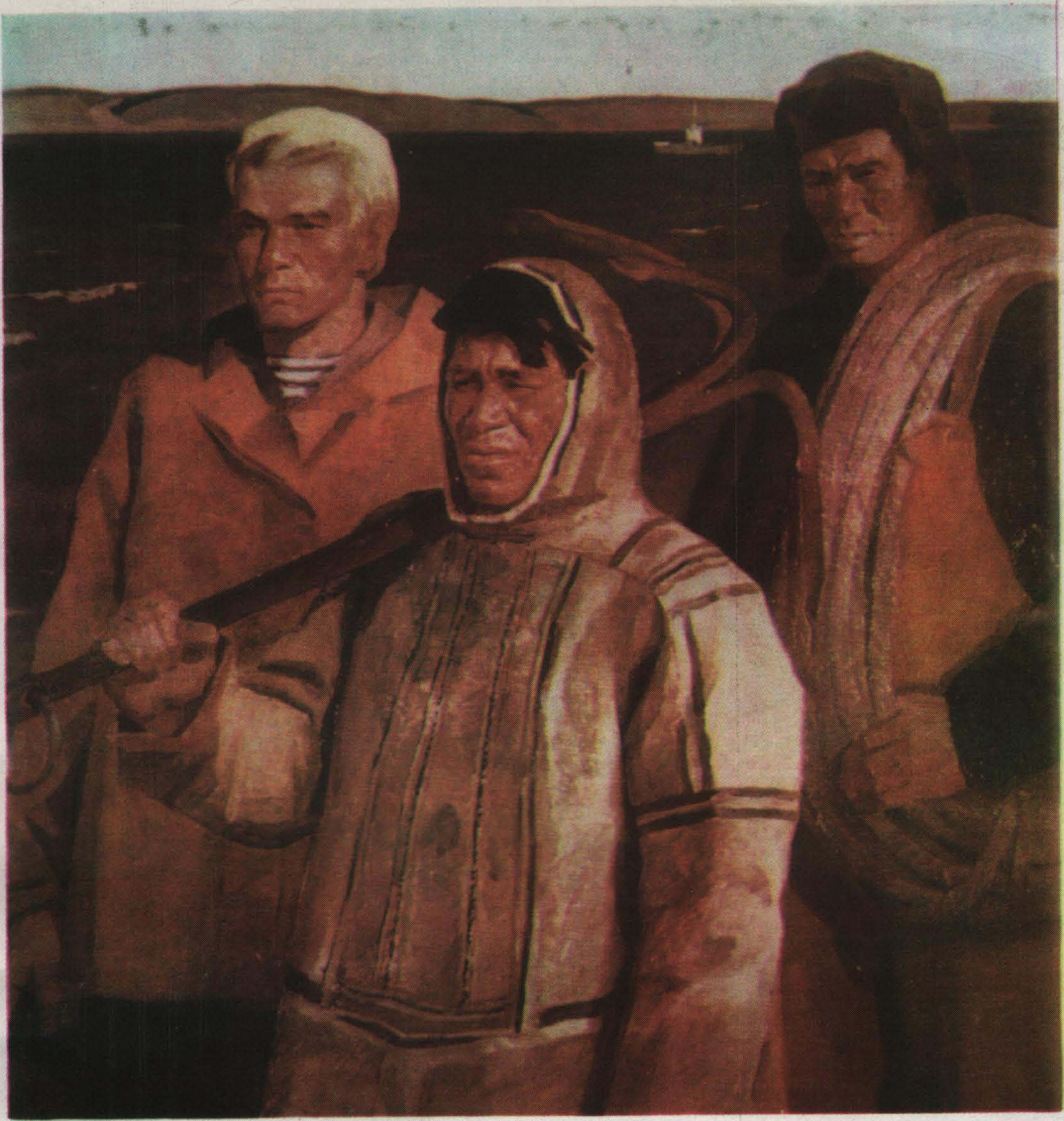
Да, тема Енисея стала родной для многих красноярских живописцев и графиков. Среди них такие известные мастера, как Р. Руйга, В. Мешков, Н. Сальников... А как увлеченно работают молодые!

Конечно, не только сибиряки влюблены в великую реку, давно ставшую одним из символов России. В первые послевоенные годы поездку по Енисею совершил П. Кончаловский. Он написал много этюдов и устроил затем в помещении Красноярской художественной галереи выставку. Живописная свобода, с какой написаны эти натурные работы, превосходное чувство цвета и богатство художественных средств, которыми раскрывает автор прелесть сибирского пейзажа, делают этюды Кончаловского не менее выразительными, чем его законченные картины.

Когда-то А. П. Чехов, побывавший в Красноярске проездом на Сахалин, писал: «На Енисее... жизнь началась стоном, а кончится удалью, какая нам и во сне не снилась». Слова оказались пророческими. На дикие некогда берега пришли молодые строители, тысячи автомашин, бульдозеров, экскаваторов начали наступление на реку. Вскоре здесь поднялись плотины крупнейших в мире Красноярской и Саяно-Шушенской ГЭС. Возникли новые города с поэтическими названиями: Дивногорск, Саяногорск, Лесосибирск. Прибрежная тайга озарилась мириадами электрических огней.

Начавшееся преобразование края привело сюда многих художников. В начале 60-х годов на Енисее побывал Я. Ромас, посвятивший великой реке целый цикл картин. Обобщающим образом созидательного труда сибиряков предстает триптих «По заветам великого Ленина». Выстроились в ряд мощные краны, растет плотина; суровая природа покоряется человеку. Вот перед плотинной возникло рукотворное море. И пошпали вдаль длинноногие столбы ЛЭП.

Вспоминаются пейзажные работы В. Стожарова, покоряющие горячим и полнокровным ощущением жизни. Серию замечательных акварелей привез с

С. Роголь.
Пробуждение Енисея.
Масло. 1972—1973.

Т. Ряннель.
Саяно-Шушенская ГЭС.
Масло. 1974.

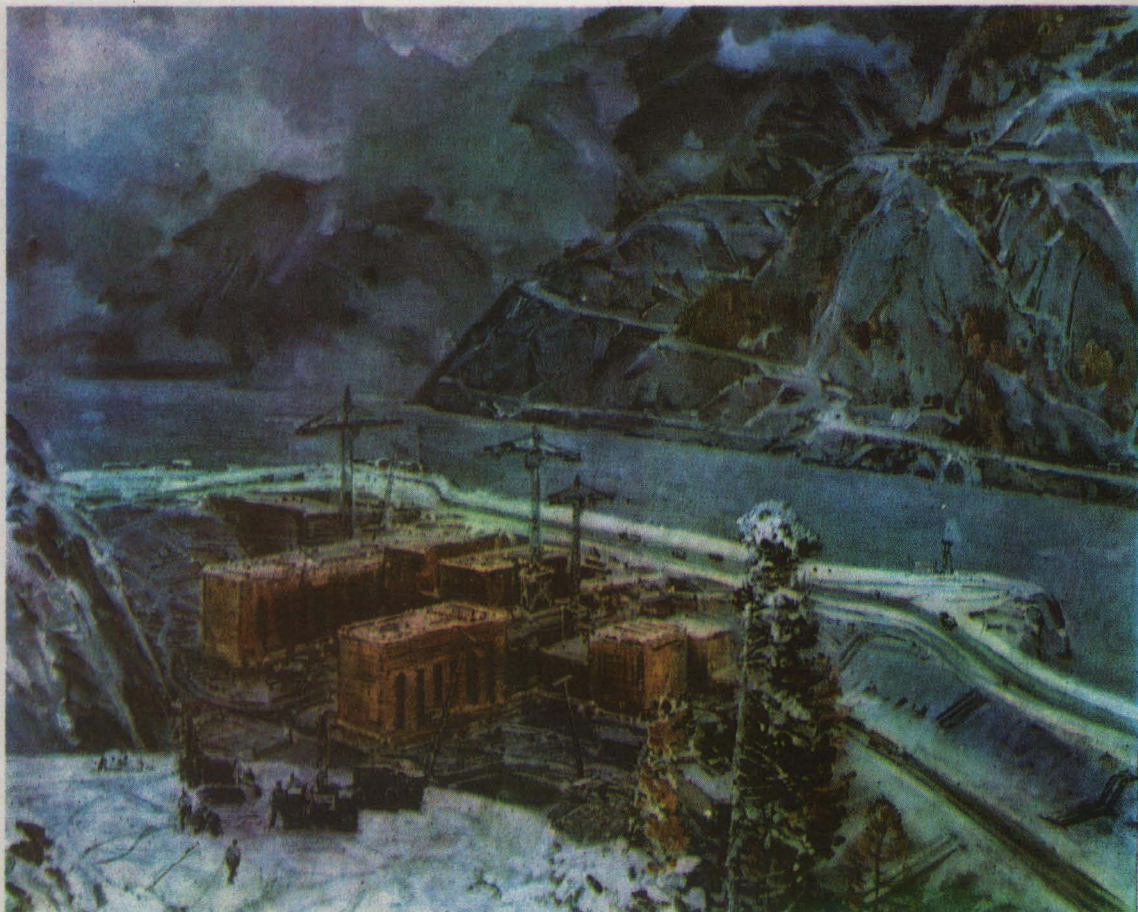
енисейских берегов В. Богаткин. А живописцы П. Оссовский и А. Левитин создали галерею портретов строителей, речников, рыбаков. В совокупности они составляют многогранный коллективный портрет рабочего-сибиряка.

В последние годы традицией стали групповые поездки художников в самые разные районы Сибири. Скажем, несколько лет назад их гостеприимно встречали речники: познакомили с Енисеем, показали, как сами живут. В свою очередь, и гости развернули шефскую работу: организуют передвижные выставки, содействуют открытию новых картинных галерей. Таких, например, как в поселке Подтесово, где подаренные речникам произведения составили интереснейшую экспозицию.

Да, Сибирь для художника — неисчерпаемая кладовая тем, характеров и чувств. А Енисей, может быть, самое благодатное в ней место. «Впрочем, что убеждать вас стихами, — сказал один сибирский поэт. — Приезжайте. Увидите сами!»

г. Красноярск

И. ДАВЫДЕНКО

СИБИРСКАЯ СОКРОВИЩНИЦА ИСКУССТВА

Здесь ныне находится самое богатое за Уралом собрание художественных сокровищ, которое с каждым годом продолжает пополняться и расширяться. Но самое большое счастье и удачу музея надо искать в служивших ему людях. Дух, и в том числе дух высокого

искусства, как известно, дышит где хочет, но легче всего ему дышится и живет среди преданных людей, в обстановке добросердечия и понимания.

*Валентин Распутин,
писатель, лауреат
Государственной премии СССР.*

*Иркутские школьники на экскурсии в музее.
Фото.*

Становление Советской власти в Иркутске проходило в сложных условиях. Она была провозглашена в конце декабря 1917 года, но при натиске белогвардейских полчищ летом 1918 года временно пала и окончательно утвердилась через полтора года.

Январь сурового двадцатого. В Иркутске оставались враждебные элементы. Под напором революционных сил они постепенно откатывались на восток, грабили и разоряли население, увозили с собой художественные ценности.

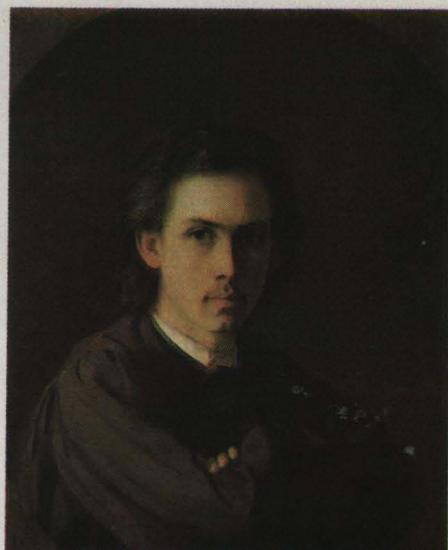
Эшелон с белочехами стоял на станции Иркутск. Он был

готов к отправке. Один солдат-интернационалист, симпатизировавший Советам, сообщил в ревком, что в эшелоне находится картина из галереи иркутского коллекционера Сукачева. Ревком образовал комиссию, которая произвела обыск поезда. В вагонах картины не обнаружили. Солдат же уверял, что видел, как произведение вынесли из галереи и увезли в сторону вокзала.

Члены комиссии пошли по эшелону вторично — картины нет. Старший уполномоченный решил вновь зайти в офицерский салон. Он увидел там чинно сидящих офицеров за столом, покрытым скатертью. Они пили вино. Заметив большевика, офицеры почтительно встали, а один из них, сидевший у края стола, неловко поднялся, отчего завернулся угол скатерти, и под ней обнаружилось похищенное. Полотно было без рамы, на подрамнике, и его использовали как столешницу, замаскировав скатертью. Это была картина «Избрание апостолов» замечательного французского художника

В. Васнецов.
Портрет девушки (А. Е. Голенева).
Масло. 1894.
69×47.

Е. Чепцов.
Соседки.
Масло. 1913.
76×87.

И. Репин.
Нищая.
Масло. 1874.
74×50.

XVII века Н. Пуссена, самое ценное произведение в коллекции В. П. Сукачева. Органы Советской власти приняли неотложные меры по национализации галереи и произвели ее опись.

Еще до начала империалистической войны Сукачев выехал за границу для лечения жены, художественные сокровища были оставлены на попечение доверенного. Узнав о революции, Сукачев хотел вернуться на Родину, ему удалось добраться до Крыма, но в Иркутск он уже не попал, в конце 1919 года скончался и был похоронен на Бахчисарайском кладбище в Крыму.

При белых в Иркутске галерея не охранялась, многие картины оказались повреждены, доверенный Сукачева бежал с интервентами на восток. Все это привело к расхищению художественных ценностей.

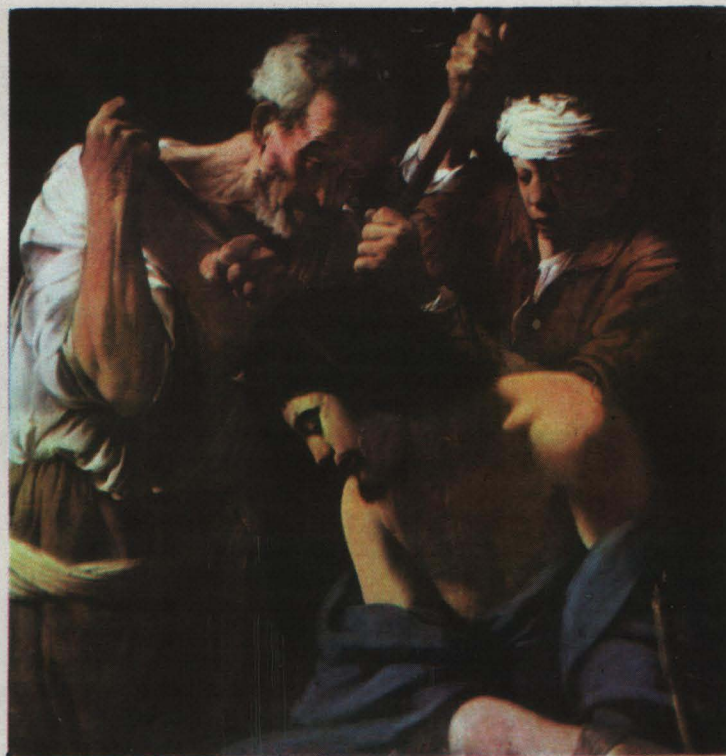
Мы упомянули об этих событиях, чтобы яснее представить те условия, в которых пришлось спасать сокровища музея.

Н. Пуссен.
Избрание апостолов.
Масло.
135×180.

Х. Тербрюгген.
Увенчание Христа терниями.
Масло. 1620.
119×116.

Познакомимся теперь с историей создания первой картинной галереи Сибири. Возникновением своим она обязана городскому голове Владимиру Платоновичу Сукачеву, который начал собирать произведения живописи еще в 70-е годы XIX века, приобретая картины на академических выставках и аукционах в Петербурге. Уже в 1870 году у Сукачева было значительное количество произведений живописи. На общегородской Выставке масляных и олеографических картин 1874 года он показал около 50 полотен. В

1882 году Сукачев построил комплекс зданий. В красивой роще с аллеями находились жилые помещения, конюшни, склады, дом для обслуживающего персонала, беседки и бесплатная школа для девочек. В самом большом здании 12 комнат было отведено для галереи.

Единственная в Сибири картинная галерея пользовалась известностью не только у сибиряков, но и у иностранцев. В книге «По Сибири» профессор Бордоского университета Жюль Легар, посетивший Иркутск в 1897 году, писал: «Я познакомился с местным городским головой господином Сукачевым. Он эlegantный сибиряк, с которым знакомы многие наши парижане. Но, вероятно, очень немногие побывали в его изящной картинной галерее, которая является одной из редкостей Сибири. Эта галерея приятно удивила меня, так как во все время путешествия по Сибири редко удавалось видеть произведения искусства. Галерея почти исключительно русская: это патриотизм, который я очень ценю».

Сукачев мечтал построить в Иркутске отдельное здание для галереи, с тем чтобы передать ее впоследствии в дар городу. Эта мечта осуществилась лишь с установлением Советской власти. Галерея стала государственной, открылся широкий доступ народа к художественным ценностям.

Коллекция постепенно увеличивалась и с 1936 года стала Иркутским областным художественным музеем. Познакомимся с экспозицией. Ее открывают произведения древнерусского искусства различных иконописных школ России. Основное место занимает сибирское письмо: иконы XVII—XVIII веков из Илимска и Иркутска. В них заметны черты влияния творчества сибирских аборигенов — бурятов.

В отдел русского искусства некоторые полотна прибыли из Государственного музейного фонда в 1938 году — это портреты кисти Ф. Рокотова, В. Боровиковского. В последнее десятилетие мы получили возможность шире представить искусство XVIII века благодаря поступлениям из Русского музея

Ф. Малявин.
Крестьянская девочка.
Масло.
30×25.

А. Моравов.
Подсчет трудовых.
Масло. 1934.
137×169.

А. Дейнека.
Доярка.
Масло. 1959.
162×132.

и даров московских коллекционеров. Теперь в музее имеются работы Д. Левицкого, С. Щукина, К. Христинека, Семена Щедрина.

Искусство XIX века представлено портретами кисти О. Кипренского, В. Тропинина, А. Варнека, К. Брюллова, пейзажами Сильвестра Щедрина, М. Воробьева, Н. Чернецова, Андрея Иванова, большим полотном на библейский сюжет В. Шебуева.

Следует отметить и произведения художников, чья жизнь была связана с Сибирью, кто родился и работал в самом Иркутске или временно оказался в сибирском крае. Так, ссыльным декабристом Н. Бестужевым воссозданы многие портретные образы его товарищей по ссылке — декабристов. Им же написан портрет отца основателя галереи П. П. Сукачева. Некоторое время в Иркутске работал академик живописи К. Рейхель, тесно связанный с ссыльными. В ряду созданного им имеются и портреты сибирских жителей, например «Портрет Сапожникова» (1845). Среди работ местных уроженцев три портрета кисти М. Васильева, несколько полотен М. Пескова. Вкрапленный в общую канву экспозиции, этот раздел ярко характеризует изобразительное искусство далеких окраин России.

Отдел искусства середины и второй половины XIX века наиболее разнообразен. Здесь работы передвижников И. Крамского и В. Максимова, И. Прянишникова и К. Савицкого. Привлекает внимание раннее произведение И. Репина «Нищая». Сукачев приобрел его у автора и привез в Иркутск. Искусство-

веды узнали о существовании этой картины только в 1939 году, после публикации каталога Иркутского художественного музея.

Экспозиция рубежа XIX — начала XX века включает замечательные произведения художников, ставших впоследствии ведущими мастерами советского многонационального искусства. Выразительно сочное по живописи полотно Е. Чепцова «Соседки». С первых лет Советской власти он стремился передать в своих картинах черты новой действительности. Есть в экспозиции работы Б. Кустодиева, Л. Туржанского, С. Виноградова, С. Жуковского, В. Бялыницкого-Бирули, П. Петровичева.

Собрание произведений советского искусства — одно из

богатейших среди областных музеев. В экспозиции натюрморт П. Кончаловского, выполненный в 1918 году, «Автопортрет» (1921) С. Малютина, картина «У серебряного ключа» К. Петрова-Водкина (1921), работы И. Грабаря, А. Куприна, В. Рождественского.

После Великой Отечественной войны в музей поступило большое число произведений выдающихся советских живописцев. Среди них «Утро Москвы» (1942) К. Юона. На фоне древних кремлевских стен, освещенных восходящим солнцем, движется мощным потоком на фронт военные колонны. «Освобождение Калуги» — полотно известного баталиста П. Соколова-Скаля, «Зоя» — картина В. Цыплакова, посвященная подвигу бесстрашной комсомолки.

А. Костовский.
Разговор. Из серии «По Монголии».
Масло. 1977.
110×115.

В. Стожаров.
Село Большая Пысса.
Масло. 1967.
140×160.

Е. Белашова.
Весна.
Девочка, надевающая венок.
Фигура для фонтана
на ВДНХ.
Бронза. 1949.
158×43×48.

Лирические пейзажи Н. Ромадина, работы прославленных Кукрыниксов, полотно Н. Чернышова «Коломенское», «Доярка» А. Дейнеки, «Ужин трактористов» А. Пластова, его же «Девушка с велосипедом», «Село Большая Пысса» В. Стожарова, два жанровых полотна братьев Ткачевых «В колхоз» и «Пора сенокосная». Все эти произведения говорят о богатстве собрания классики советского искусства в нашем музее. Этот раздел дополняют работы мастеров национальных республик нашей Родины.

С исчерпывающей полнотой представлено в музее творчество мастеров Сибири: произведения народных художников РСФСР В. Роголя и А. Алексева, заслуженного художника РСФСР И. Юшкова, А. Вычугжанина.

В трех залах экспонируется западноевропейское искусство. Этот отдел комплектовался постепенно и в последнее десятилетие выделен в самостоятельный. Кроме упоминавшегося замечательного полотна французского живописца Н. Пуссена «Избрание апостолов», гордостью собрания являются произведение голландского художника XVII века Х. Тербрюггена «Увенчание Христа терниями», картина фламандца Г. Сегерса «Игроки», пейзаж итальянца М. Мариески. Богата и разнообразна коллекция произведений искусства стран Востока — Китая, Индии и Японии.

В ближайшее время в Иркутске откроется филиал музея, где будет размещена экспозиция декоративно-прикладного искусства русских и зарубежных мастеров: фарфор, стекло, ткани, изделия из металла и дерева.

Музей проводит большую работу по эстетическому воспитанию школьников. В 1959 году у нас создан кружок юных искусствоведов. Занимаются в нем ученики 6—10-х классов. Становясь студентами, они не порывают связи с музеем, часто посещают его лекторий, приходят на открытие выставок. По окончании институтов многие из ребят стали учителями.

Сегодня в некоторых школах Иркутска также организованы кружки юных искусствоведов. В учебную программу многих школ включены факультативы по искусству.

В Иркутске находится детский санаторий «Изумруд». К ребятам часто приходят работники музея. Они рассказывают о творчестве знаменитых художников, помогают разобраться в сюжете и художественных особенностях произведений. Кроме того, музей шефствует над детским домом № 1.

Недавно в поселке Игнино Куйтунского района при Доме культуры открыт наш филиал. Пока что там проводятся отдельные выставки, которые посещают жители окрестных деревень. В недалеком будущем здесь предполагается создать кружок юного искусствоведа.

Мы отдаем много сил и времени эстетическому воспитанию

подростающего поколения. Ведь общение с произведениями настоящего искусства облагораживает душу молодого человека, делает ее восприимчивой ко всему доброму и прекрасному.

А. ФАТЬЯНОВ,
старший научный сотрудник
Иркутского областного
художественного музея

ТОМСКИЕ «ХОРОМЫ»

*Не бывал я в Сибири, но много
видел сибиряков — это особый на-
род, — и несокрушимо верю, что он
может сделать большую работу.*

А. М. Горький

Ворота дома 25 по улице К. Маркса.

Разнообразную деревянную архитектуру, изумительную резьбу по дереву можно встретить во многих местах необъятной России. Ведь, по словам академика И. Э. Грабаря, «резьба, наряду с зодчеством, была любимой областью народного творчества, идеалы народа выразились здесь с такой же яркостью, как и в былинном эпосе, в народной песне».

Но в Томске соединение этих двух исконно русских видов искусства достигло редкостной силы, обрело уникальные черты. Каких только имен не дают томским хоромам журналисты: «деревянные сказки», «сибирские кружева», «пряничное зодчество»... Особенно красивы деревянные дома Томска зимой, когда снег почти до второго этажа заносит их, как бы подчеркивая контраст суровых бревенчатых стен и ажурного декоративного убранства.

Но на этом снимке — лето. Окна с цветами на подоконниках распахнуты, великолепные резные ворота гостеприимно открыты: милости просим!

В архитектурном облике города, возраст которого исчисляется несколькими веками, как правило, отражается вся его история, и сменяющие друг друга поколения жителей постоянно чувствуют ее молчаливое присутствие. Время для них словно четвертое измерение, которое вносит в образ Родины неповторимые черты...

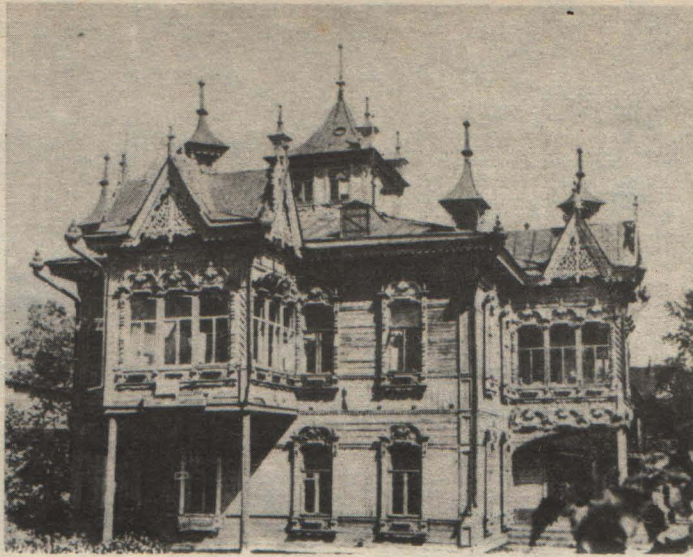
Один из старейших городов Сибири — Томск сыграл выдающуюся роль в экономическом освоении обширных пространств за Уралом и особенно в распространении культуры на сибирской земле.

В XVII веке — это крепость, поставленная для защиты местных народов и русских переселенцев от набегов кочевников. Позже Томск, расположенный на перекрестке путей, связывающих Восток и Запад, становится административным и торговым центром огромного края. Ныне это крупный сибирский город

с большим и интересным будущим. И один из красивейших в стране.

К сожалению, ранние архитектурные памятники Томска не сохранились — слишком беззащитно дерево пред лицом времени. Но и дошедшие до нас постройки конца XIX — начала XX столетия — чрезвычайно яркая страница отечественной архитектуры.

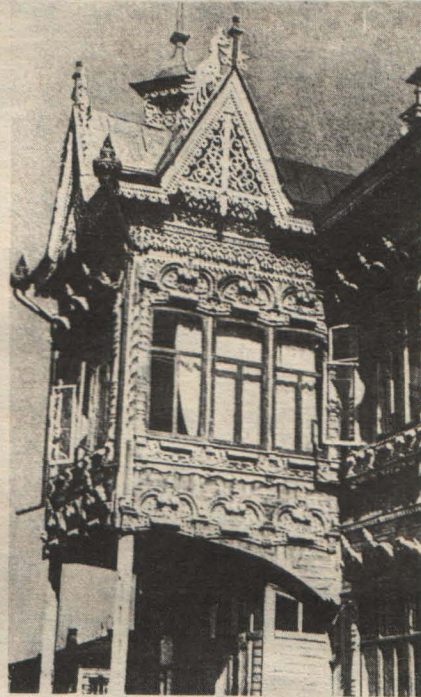
Создатели их использовали богатейшие традиции деревянного зодчества русского Севера, творчески осваивали достижения барокко и классицизма, обогащая все это затейливой декоративностью, воспринятой от восточных народов. Конечно, купеческий Томск пытался диктовать свои вкусы, однако в лучших постройках здешние мастера избежали излишней пышности и дешевой стилизации. Сплавляя самые разные источники в единое гармоническое целое, они демонстрировали великолепный артистизм,

Дом 67а по Красноармейской улице. Общий вид. Эркер. Деталь наличника.

Дом этот стоит в глубине двора. Неожиданно открываясь зрителю, он мгновенно пленяет своей красотой. Простота замысла и богатство форм — вот главное: начиная со стройного общего объема и кончая филигранной проработкой деталями — все радует глаз. Небольшое здание взлетает ввысь умело «прорисованным» силуэтом многочисленных башенок, все оно как бы постамент для центральной башни, увенчанной плавно изогнутым, красивым шатром. Основной объем дома обогащают пристроенные с двух сторон эркеры, завершенные треугольными фронтонами. Стены эркеров решены как большие строгие окна, что делает их легкими и прозрачными.

Великолепны резные наличники окон, выдержанные в классических формах. Но, как довольно часто бывает в архитектуре русской провинции, в этой классике, переведенной рукой народного мастера на язык дерева, слышится нечто сказочное. И — необыкновенно живое, пульсирующее и дышащее. Потому и не кажутся надуманными стилизованные жар-птицы, расевшиеся на фронтонах: они прилетели из той же сказки.

и создавали произведения, отличающиеся стройностью пропорций, богатством и живописностью силуэта, общим величавым — «дворцовым» — видом. Огромную роль в архитектуре зданий играет изумительный резной декор, завершающий их образ...

Деревянные двухэтажные дома стоят на улицах Томска тесно в ряд, без отступа от тротуаров, иногда перемежаясь с одноэтажными домиками более ранней постройки. На улицу они смотрят своей короткой, как бы официальной стороной, а более длинной уходят в глубь двора.

Здания выглядят весьма стройными и в то же время монументальными. Причиной тому большая высота помещений, часто поставленные окна с узкими простенками и весь вертикальный строй, четко воспринимаемый, несмотря на горизонтальный ритм рубленых стен. Высокие и просторные помещения,

сдвоенные и строенные окна с крупными стеклами кажутся удивительными в Сибири. Такое стремление к величественности, «хоромности» характерно для русского Севера. Да и хорошие каменные цоколи, иногда используемые для жилья, каменные первые этажи — все это тоже напоминает древнерусские горницы и подклеты.

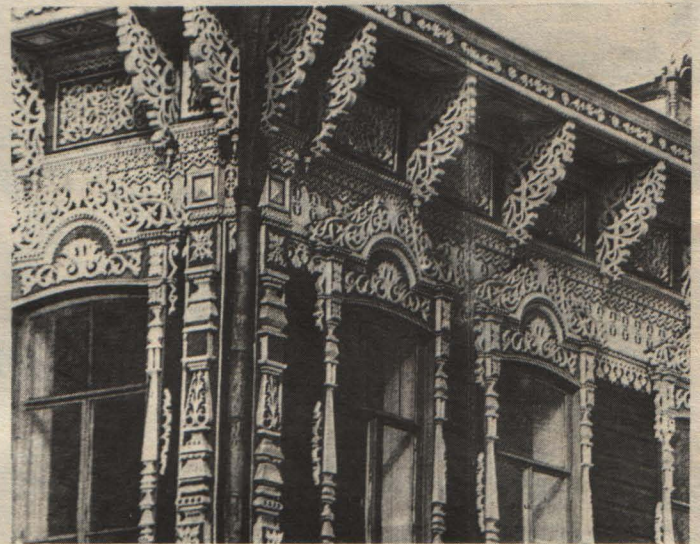
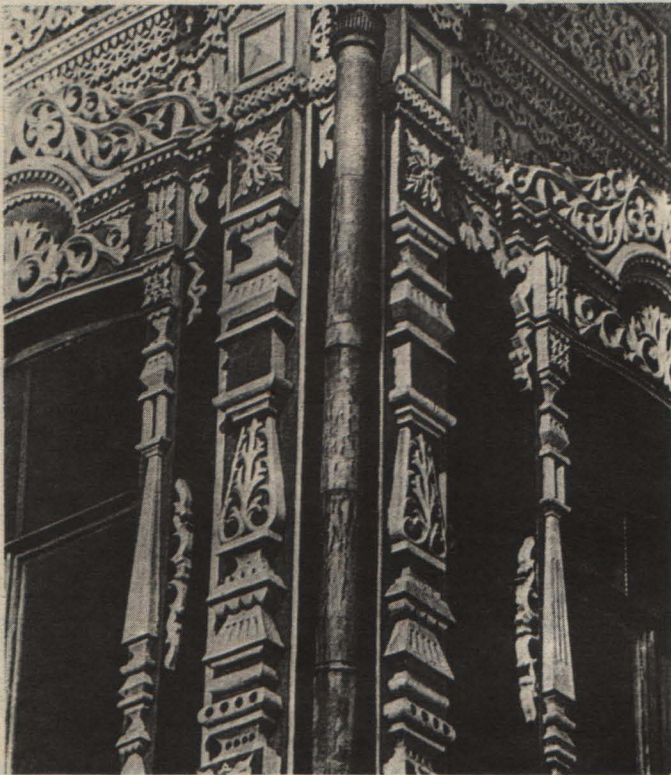
Лаконичная простота уличных фасадов контрастирует со сложной конфигурацией стен, выходящих во дворы: тут всегда немало пристроек, эркеров, лоджий, галерей. Подобная усадебная планировка дворов, придающая им своеобразную интимность, свойственна архитектуре русского классицизма; в Томске на нее наложилась и давняя сибирская традиция крытых дворов. Со временем побеждает городской подход к планировке: вход в дом прорубают с улицы и помещают в легкой пристройке, кото-

Дом 10 по улице Шишкова.
Общий вид и фрагменты.

Такими вот зданиями, соединяющими уют жилого дома и величавость дворца, и был застроен купеческий Томск. Каменный низ поддерживает изящный и легкий второй этаж, часто поставленные окна создают вертикальный ритм. А выше их — великолепный резной фриз, как бы ковром устилающий весь верх здания. В свою очередь, он неотделим от изящных кронштейнов, поддерживающих далеко вынесенный карниз, и пилястр классического рисунка, подчеркивающих углы дома.

Интересно, что в 1911—1915 годах в нем жил автор «Угрюм-реки» — замечательный русский писатель В. Я. Шишков.

рая завершается остекленной галереей с фигурной кровлей. Для зданий городского типа характерны и срезанные углы, над которыми нависают балконы и эркеры, тоже увенчанные силуэтной надстройкой.

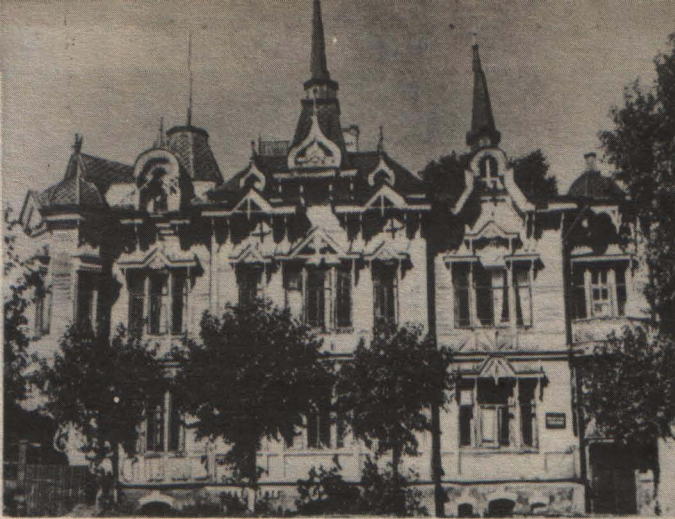
Верха домов вообще едва ли не самое интересное тут. Что ж, сказочно причудливые завершения, как бы вступающие в состязание с суровостью бревенчатых стен, всегда были главной красотой хором. Но не меньшую роль в деревянном зодчестве Томска играют величавые карнизы классических форм. В результате слияния этих двух, казалось бы, противоположных начал сложился особый тип венчания зданий — классический карниз, ритмично прорезаемый несколькими небольшими фронтонами, над которыми поднимаются декоративные башенки и шпили.

Не обошли томские мастера и такую самобытную форму завершения, как стройный шатер, берущий

начало в знаменитых храмах русского Севера. В городском пейзаже такие шатры отлично сочетаются с высокими елями и соснами, которых у нас на улицах немало. Однако в общем объеме здания шатер редко доминирует, а служит лишь одним из элементов многоглавия — разного рода башенок, куполов, шпилей, гребней.

Изумителен резной декор домов, которые словно убраны в дивный, праздничный наряд. Богатство резьбы, разной по тематике, форме и технике, прямо-таки ошеломляет! Взять хотя бы завершения зданий: тут узорчатый гребень тянется по коньку, там диковинные птицы поселились на фронтоне, вот изящная башенка с множеством резных деталей.

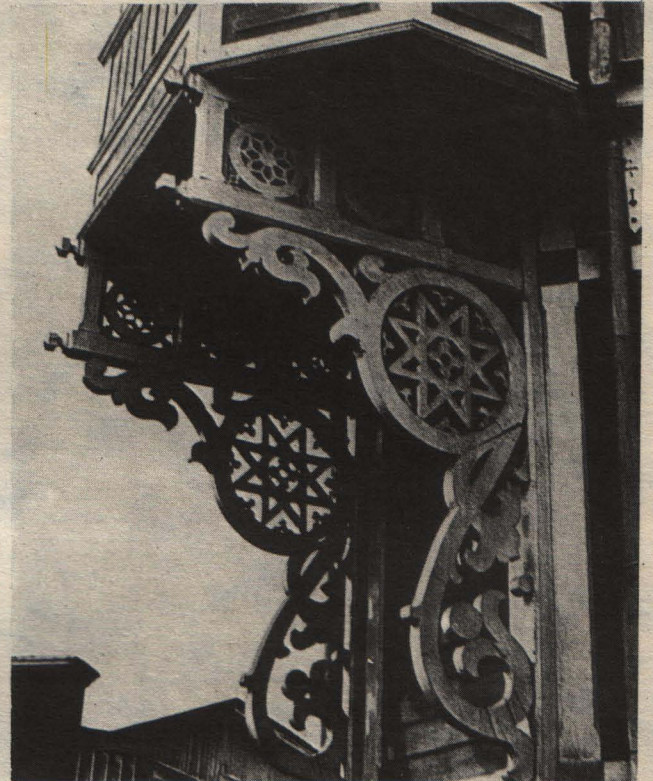
А великолепные томские карнизы! Вынесенную плиту украшают накладные розетки, низ обрамляет кружевная бахрома. Поддерживающие плиту крон-

Дом 19 по улице Белинского.
Общий вид. Фрагмент фасада.
Кронштейн эркера.

Зданий, подобных этому, в Томске не так уж много. Это более поздние постройки, сооруженные в конце прошлого — начале нынешнего века, когда в моду вошел так называемый «русский» стиль. В действительности в нем не меньше нарочитой стилизации, нежели традиционно русского. Но в фантазии и мастерстве автору постройки никак не откажешь: верх дома

буквально пенится фронтонами самой разной формы, а крыша — декоративными башнями, шатрами и гребнями. Все вместе создает поистине феерическое зрелище! Очень красивы скошенные углы, оформленные гранеными эркерами, опирающимися на большие резные кронштейны, каждый из которых — подлинное произведение искусства.

штейны расставлены в определенном ритме. Между ними — орнаментальные накладки, которые делают еще шире резной фриз, опоясывающий дом над окнами второго этажа. А наверху — острые фронтоны, как гребни волн, пенятся узорами красиво вписанных в них решеток!

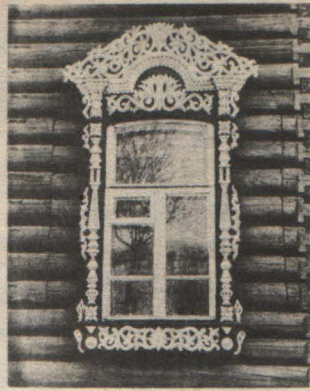
Обрамление окна — это тоже всякий раз законченное художественное произведение. Поразительно разнообразие мотивов: детали барокко и классицизма, элементы древнерусских вышивок, колонки — резные, витые, точеные...

Оконные украшения всегда подчинены общей композиции. Наличники близкого поставленных окон смыкаются между собой, верх накладывается на спускающийся фриз карниза, узорчатый низ соприкасается с завершениями окон первого этажа. И создается сплошной узор, как бы вышитый на спо-

койном поле фасада. Причем тектоника и фактура этого поля также решают свою задачу.

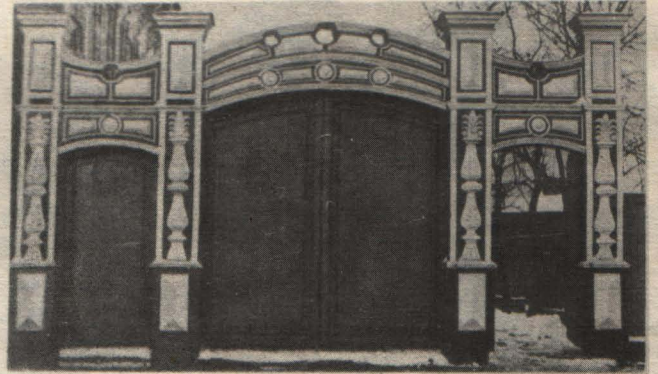
Скажем, часто срубы остаются необшитыми. И вот округлая форма бревен так правильна, столь стройны их ряды, что кажется, будто стена сделана из одного куска. А чередование горизонтальных темных полос крепко связывает и прекрасно выявляет весь декор здания. Другие дома обшиты досками, оказывается, и это на руку опытному мастеру: обшивка создает ровный фон с едва заметным ритмом горизонтальных или вертикальных полос.

Довольно часто плоскость фасада обрамляют тонкие и стройные пилястры, проходящие через оба этажа. Декоративные мотивы их, представляющие собой ряд накладных арабесок и виньеток, исключительно интересны. Рисунок напоминает классическую помпейскую роспись, дошедшую до нас в

Перед вами архитектурные элементы разных домов Томска. Есть среди них крупные, такие, как изысканных форм и пропорций двухэтажная терраса дома 21 по улице Дзержинского или поражающий своей монументальностью въезд во двор дома 14 по улице Шишкова. Более близким планом снят крашенный резной наличник этого же дома — он драгоценностью смотрится на фоне необшитых бревен

стен. Наконец, в каждой томской постройке немало прекрасных деталей, без которых она лишилась бы чего-то очень важного. Фигурных фонарей, венчающих крыши, или водосточков, придающих завершенность углам домов. Вот такие-то детали, в которых всегда чувствуется вековая плотницкая традиция, и придают неповторимость томским «хоромам».

переложении русского классицизма и мастерском исполнении народного художника.

Наш рассказ был бы неполным без упоминания об убранстве входных крылец с навесами, опирающимися на крупные резные кронштейны. Вы, может быть, слышали о знаменитых «крыльцах с рундуками» деревянных шатровых храмов. В городской архитектуре Томска роль таких рундуков, щедро украшенных резьбой, обычно выполняют балконы и эркеры с тонко прорисованными деталями оконных обрамлений и разного рода перил. Все сооружение нередко венчает изысканной формы парапет или выдержанный в общем духе здания фронто́н. А то — шатер с чешуйчатой кровлей.

Говорить о томском деревянном зодчестве можно бесконечно — любой прием отточен, каждая деталь совершенна. Но для первого знакомства, наверно, хватит — лучше присмотритесь сами.

Прекрасные эти дома созданы руками простых зодчих-плотников, чьи имена большей частью неизвестны, а мастерство передавалось от поколения к поколению. Все они обладали природным вкусом и отлично владели своим ремеслом, а в творчестве использовали традиции и новшества русской архитектуры.

На этой основе мастера создавали и отработывали художественные приемы, которые повторяли в различных сочетаниях на разных постройках. Зодчие варьировали их, внося в каждую композицию новые и свежие элементы. В этом смысле творчество их является подлинным искусством импровизации. И вот мы уже целый век любуемся им.

В основу этой публикации легли материалы альбома: *Деревянная архитектура Томска. М., «Советский художник», 1975, вступительная статья Э. Дрейзина. Советуем вам познакомиться с этой книгой.*

ХУДОЖНИК-ДЕКАБРИСТ БЕСТУЖЕВ

*Сибирь сама по себе богатый край
во всех отношениях; край не тронутый,
где людей мало, а способов
снискивать хлеб сколько угодно,
лишь бы достало умения и охоты.*

Н. А. Бестужев.

Николаю Александровичу Бестужеву (1791—1855) принадлежит особое место среди первых русских революционеров. Его феноменальная одаренность проявилась во многих сферах деятельности. Можно говорить о Бестужеве-педагоге, изобретателе, ученом-этнографе, геологе, историке, писателе. Но более всего — о Бестужеве-художнике, который создал портретную галерею замечательных людей своего времени — декабристов, с документальной точностью запечатлел места их каторги в Сибири. Акварели Бестужева доносят до наших дней облик жен декабристов, разделивших с ними тяготы ссылки, облик их друзей — сибиряков. «Проникновенной акварельной повестью о судьбах лучших сынов и дочерей России в годы николаевской реакции» назвал труд художника-декабриста искусствовед И. Зильберштейн.

Морской офицер, член Северного тайного общества, убежденный сторонник решительных революционных действий, Бестужев участвовал в восстании на Сенатской площади. Именно он привел на площадь Гвардейский морской экипаж почти в полном составе, более 1100 человек, и присоединил его к лейб-гвардии Московскому полку, который ранее был приведен к памятнику Петру I братом Бестужева Михаилом. Братья Михаил и Николай Бестужевы были осуждены приговором Верховного уголовного суда по второму разряду — «положить голову на плаху, а потом сослать вечно в каторжную работу».

Петропавловская крепость,

Н. Бестужев.
Автопортрет.
Акварель. 1837—1839.

Шлиссельбург, а затем Чита, Петровский Завод — таковы веши каторжного пути Николая Бестужева. Поселенный по отбытию каторжных работ в Селенгинске за Байкалом, декабрист скончался, не дожив до амнистии всего один год...

«Николай Бестужев был гениальным человеком, и, боже мой, чего он не знал, к чему не был способен! — вспоминал декабрист Н. Лорер. — У него были золотые руки, и все, к чему он их ни прикладывал, ему удавалось». Действительно, будь то лекции по истории русского флота в организованной в забайкальских казематах «каторжной академии» или работы столярные, слесарные, башмачные, ювелирные — нигде Н. Бестужеву не было равных.

«Я сделал все, чтобы меня расстреляли, я не рассчитывал на выигрыш жизни — и не знаю, что с ним делать. Если жить, то действовать», — писал он. И

неутомимая жажда деятельности, осознание высокого долга побудили Бестужева отдать главное свое богатство — талант художника — созданию живописной летописи декабристского изгнания. Зная, с какими невероятными трудностями приходилось художнику доставать все необходимое для занятий, зная, что повсюду за ним следовало недремлющее око часового, можно только поражаться, что Н. Бестужев не сложил своего главного оружия — кисти и красок.

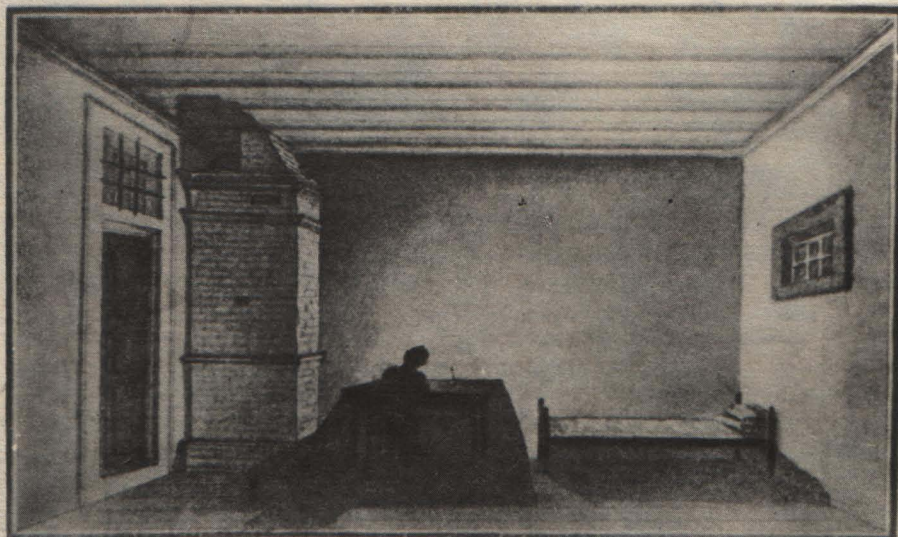
«Настоящее житейское поприще наше началось со вступлением нашим в Сибирь, где мы призваны словом и примером служить делу, которому себя посвятили» — так считал не только автор этих слов, Михаил Лунин, заключенный за свою публицистику в самую страшную тюрьму Сибири — Акатуй. На сибирских акварелях Бестужева мы видим декабристов, которые многогранной, неустанной и бескорыстной деятельностью оставили след и в жизни Сибири, и в душах сибиряков.

В годы поселений по окончании каторги за Байкалом декабристов расселили по сибирским селам и городам. Иркутская колония поселенцев была, пожалуй, самой многочисленной и интересной: Михаил Лунин, Никита Муравьев (автор конституции), братья Александр и Иосиф Поджио, врач-декабрист Фердинанд Вольф, братья Андрей и Петр Борисовы, педагог и музыкант Алексей Юшневский, Владимир Бечаснов, Петр Муханов... Созвездие имен! И главными центрами, объединявшими

Н. Бестужев.
Общий вид Петровского Завода.
Фрагмент.
Акварель. 1834.

Н. Бестужев.
Камера неизвестного декабриста в Петровской тюрьме.
Акварель. 1831—1839.

«иркутских» декабристов, были дома Волконских и Трубецких. Екатерина Ивановна Трубецкая и Мария Николаевна Волконская — первые из жен декабристов, приехавшие в сибирскую ссылку, чей «подвиг любви бескорыстной» воспет Некрасовым. Но еще ранее их воспел Николай Бестужев в своих поэтических акварелях.

Кисть Бестужева поэтична. С какой любовью художник запечатлел маленького Сашу Ивашева, сына декабриста В. Ивашева! Сколько грации и изящества в облике Нонушки Муравьевой, дочери Н. Муравьева, могила которого находится в 18 километрах от Иркутска, в деревне Урик... Бестужев любил детей, и когда из Селенгинска, где жил с братом Михаилом после каторги, приезжал в Иркутск, то и здесь, работая над портретами иркутян, не забывал о детях, помогая юным друзьям добрыми советами, передавая им секреты мастерства.

В Иркутск Николай Бестужев приезжал в 1841—1842 и 1855 годы. Это было время напряженной творческой работы. Столица Восточной Сибири в своем культурном развитии многим обязана декабристам. Музыкальные, литературные, театральные вечера у Волконских и Трубецких посещались с большой охотой. Одно только общение с декабристами оставляло неизгладимый след. Иркутчанин Н. Белоголовый писал: «Каждый из них в отдельности и все вместе взятые, они были такими живыми образцами культуры, что естественным образом поднимали значение и достоинства ее в глазах всякого, кто с ними приходил в соприкосновение...»

Бестужевские работы иркутского периода до наших дней, к большому сожалению, дошли не все. Некоторые из них хранятся в Иркутском областном художественном музее. Одна акварель — в Доме-музее декабристов. Это портрет И. Сельского, первого правителя дел Сибирского отдела Русского географического общества, открытого в Иркутске в 1851 году. Илларион Сергеевич был близок декабристам и, несмотря на свою серьезность, любил шутки, музыку

Н. Бестужев.
С. Г. Волконский.
Акварель. 1837.

Н. Бестужев.
Е. И. Трубецкая.
Миниатюра на слоновой
кости. 1828.

Н. Бестужев.
М. С. Лунин.
Акварель. 1836.

Н. Бестужев.
М. Н. Волконская на фоне
тына Читинского острога.
Акварель. 1828.

Н. Бестужев.
Портрет П. П. Сукачева.
Акварель. 1842.

Н. Бестужев.
С. П. Трубецкой.
Акварель. 1834—1835.
Фрагмент.

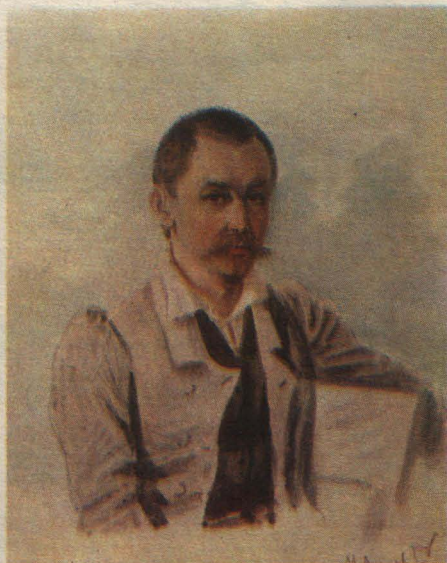
настолько, что один из его дру-
зей в шуточном стихотворении
сказал о Сельском:

*Я здешний автор, здешний чтец
И композитор разных арий:
И с Сукачевым, наконец,
Певец романса: «Велисарий»...*

Платон Петрович Сукачев —
заметная фигура в иркутской
общественной жизни, а его сын,
Владимир Платонович, маль-
чиком наблюдавший за работой
Бестужева-художника, впослед-
ствии основал в Иркутске кар-
тинную галерею.

Память о Николае Александр-
овиче Бестужеве в Сибири жи-
ва. Она сохраняется в тишине
музеев, в тех вещах, которые
помнят прикосновение его рук.
На высоком берегу реки Селен-
ги, недалеко от того места, где
стоял дом декабриста, находит-
ся его могила. Тысячи туристов
спешат поклониться человеку,
чья жизнь была примером беско-
рыстия и верности высоким иде-
алам. В доме Трубецких в Ир-
кутске ныне музей. Заканчива-
ется реставрация дома Волкон-
ских, где бывал Бестужев. Со-
хранив память о славном сыне
Отчизны, мы передадим ее бу-
дущим поколениям.

Е. ЯЧМЕНЕВ,
заведующий Домом-музеем
декабристов

г. Иркутск

ПАНОРАМА ВЕЛИКОГО СИБИРСКОГО ПУТИ

Сибирь мало описана, в ней много предметов достопамятных и важных; романтическая природа ее возвышает душу, надобно... показать и представить примечательные предметы, изобразить природу Си-

бири, показать оригинальные черты нравов и обычаев ее жителей.

*Н. А. Полевой,
русский писатель, журналист,
историк, издатель
«Московского телеграфа»*

Среди немногих произведений изобразительного искусства, созданных в прошлом веке и посвященных Сибири, есть одно, самое, пожалуй, необычное и интересное — уникальная в своем роде движущаяся акварельная панорама Великого Сибирского пути.

Это бумажная лента, наклеенная для прочности на холст, шириной около полуметра и длиной более 940 метров. На ней изображены места вдоль дороги от Сызрани до Владивостока — все, что может привлечь глаз любознательного путешественника, едущего первый раз по железной дороге от Волги через всю Сибирь к Тихому океану.

Масштабы этого произведения таковы, что даже беглое знакомство со всеми девятью сохранившимися свитками (их общая длина около 850 метров, они находятся сегодня в коллекции Государственного Эрмитажа) занимает целый день. Для работы с панорамой пришлось изготовить специальное приспособление, сходное по устройству с тем, которым пользовался в свое время ее автор.

А создал панораму человек удивительной судьбы — военврач и путешественник, писатель и художник П. Я. Пясецкий (1843 — 1919). Уроженец города Орла, он в раннем детстве пристрастился к рисованию. Карандаш и краски были для него подспорьем и во время учебы на медицинском факультете Московского университета. Получив звание доктора медицины, он работает в Петербурге в военном госпитале и одновременно поступает вольнослушателем в Академию художеств, где успешно занима-

ется под руководством П. П. Чистякова. Павлу Яковлевичу много пришлось повидать на своем веку: он бывал в Китае и Японии, Англии и Франции, участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 годов на Балканах, посетил в составе посольства Тегеран, путешествовал по Кавказу, Средней Азии и Сибири. И нигде не расставался с красками и карандашом: его рисунки хранятся в музеях Иркутска, Пензы, Одессы, других городов страны.

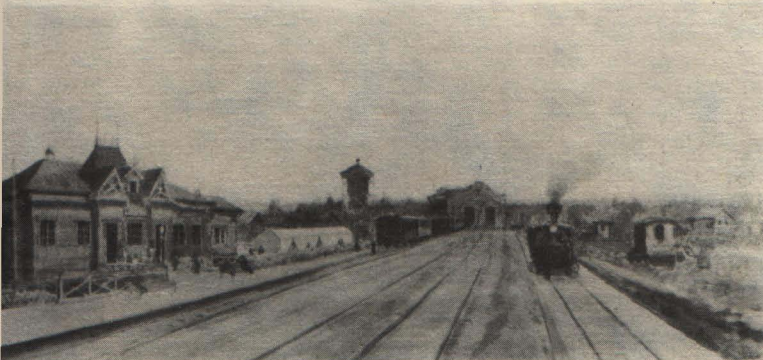
Результатом этих поездок и стали его акварельные панорамы, художник создал их более двадцати. Первая из них — в сто аршин длиной — была закончена в 1877 году и представляла собой «непрерывное и панорамическое изображение в красках пути из середины Китая до русской границы в том виде, в каком открылся он путешественнику и на такое пространство, которое мог охватить его глаз». Академия присвоила автору этого произведения звание почетного вольного общника. Есть у Пясецкого панорамы русско-турецкой войны 1877—1878 годов, Закаспийской военной железной дороги, путешествия в Персию, городов Парижа и Лондона, Порт-Артура и Москвы. Сохранилась даже его 82-метровая панорама Пекина. Автор с большим успехом показывал свои «живописные отчеты о путешествиях» на публичных чтениях в Петербурге.

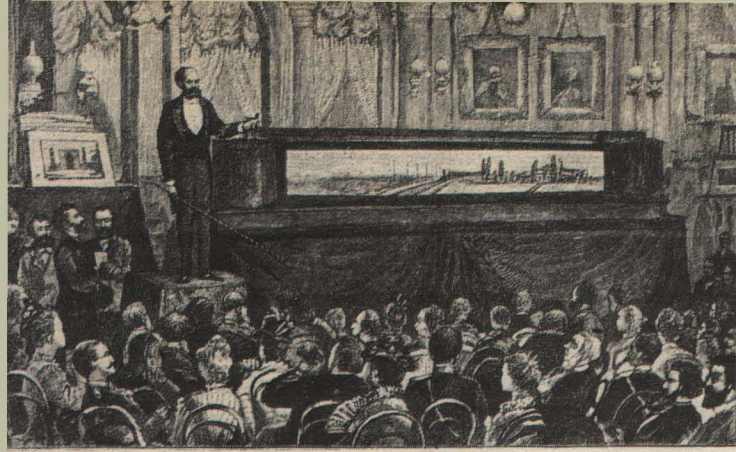
Но самой грандиозной среди «живописных карт», как называли современники работы художника, стала панорама Великого Сибирского пути, выполненная им в 1897—1898 годах по заказу управления строительства Сибирской железной дороги. Присту-

П. Пясецкий.
Панорама Великого
Сибирского пути.
Фрагменты.
Акварель. 1897—1898.

Станция Томск.

Красноярск.

П. Пясецкий демонстрирует свою панораму в Петербурге.

пив к работе, Пясецкий совершил длительную поездку по всей трассе самой протяженной в мире железнодорожной магистрали, делая остановки в городах, отъезжая в сторону от дороги, зарисовывая местные достопримечательности. Десятки путевых блокнотов и альбомов с этюдами заполнены «кадрами» будущей ленты-панорамы.

Словно в современном кинофильме, сжаты художником тысячеверстные расстояния, отобраны сюжеты и события так, чтобы дать проникнутое любовью, поэтическое и в то же время документально точное, правдивое изображение жизни, природы Сибири. На панораме мы видим, как встает и садится солнце, день сменяется ночью — ведь целых полмесяца продолжалась в те времена поездка к берегам Тихого океана. Поезд катится в тумане, под дождем по дороге, извивающейся меж сопков, пробегающей по насыпям через распадки и низины. Художник знакомит нас с городами и поселками, станциями и полустанками, встречающимися на пути. В городах мы проходим по улицам и площадям, любуемся памятниками архитектуры, знакомимся с производством и местными ремеслами — присутствуем даже при переплавке золота в слитки.

Вот станция Томск: мы видим ее такой, какой она была на рубеже двух столетий. Бревенчатое здание вокзала, пассажирская платформа, станционные постройки — все из дерева. Лишь паровозный сарай (на сегодняшнем языке — депо) каменный, ибо деревянный мигом сгорел бы от искр, вылетающих из пузатых, похожих на самовары труб локомотивов.

Мариинск. Мост через Кию.

Добрые пять метров панорамы занимает вид города Красноярска. Железная дорога прошла здесь в 1895 году. Город стал быстро расти. И сейчас уже почти ничего в нем не напоминает того деревянного, большей частью одноэтажного Красноярска, запечатленного кистью Пясецкого.

Не через все сибирские реки были в те времена построены мосты. Поэтому любопытна картина железнодорожной паромной переправы. Вагончики, словно стадо коров, бок к боку загоняются на большие баржи, которые буксир перетягивает к другому берегу. Снова перегрузка на твердую землю, на рельсы — и в дальнейший путь по тайге.

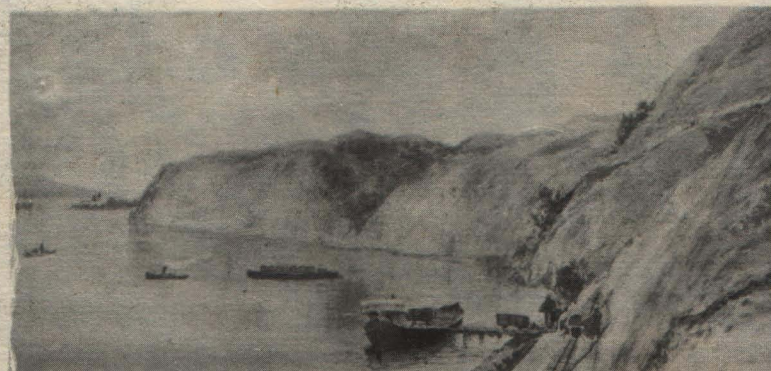
Панорама Великого Сибирского пути П. Я. Пясецкого поражает воображение не только размерами и колоссальным трудом, потраченным на ее создание. Художник замечательно передал все в красках, сохранивших до наших дней теплоту и яркость тонов.

Показанная в 1900 году на Всемирной выставке в Париже, эта панорама привела в восторг избалованных диковинами парижан. Для просмотра панорамы публика заходила в павильон, сделанный в виде пассажирского вагончика. Двери закрывались, и, имитируя движение вагона, за окнами по обеим сторонам двигалась лента панорамы в сопровождении необходимых пояснений. Жюри выставки отметило работу Пясецкого Большой золотой медалью, а сам художник был награжден орденом Почетного легиона.

П. Я. Пясецкий был последним русским художником, применившим метод панорамного пейзажа. Его необычное творческое наследие оказалось в забвении. Одно время даже считали, что ни одна из его панорам не сохранилась. Однако эти интереснейшие документы эпохи дожили до наших дней. А Пясецкий остался в памяти потомков не столько врачом (хотя и на этом поприще он сделал много: к примеру, именно ему мы обязаны введением в обиход по всей России кефира, на который он первым обратил внимание и сделал о нем доклад в Обществе русских врачей в 1883 году), сколько самобытным, ярким художником, подарившим нам свои удивительные живописные повествования.

В. ШУМКОВ

Железнодорожная паромная переправа на Енисее.

УЗОРЫ, КОТОРЫЕ ГРЕЮТ

Сибирь — земля охотников и оленеводов, край долгих суровых зим. Здесь не обойтись без теплой меховой одежды, поэтому именно художественная обработка меха стала интереснейшим видом декоративно-прикладного искусства народов Сибири: эвенков, ненцев, нганасан, долган... Меховые изделия не только защищали человека от морозов, но и радовали глаз, уставший от снежной белизны, своей декоративной красочностью.

Сибирские мастерицы шьют из меха шубы и рукавицы, капоры и унты, ковры и сумки. Самый распространенный материал — оленья шкура, причем особенно ценится камус — шкура, снятая с ног оленя. Ворс у камуса низкий и гладкий, поэтому из него выполняется меховая мозаика. Из контрастных по цвету кусочков — коричневых, серебристо-серых, белых — вырезают всевозможные фигуры и сшивают встык. В мозаике, созданной опытной мастерицей, мех лежит волосок к волоску, а

Швы почти неразличимы. Даже не верится, что орнаментальная полоса сшита из отдельных кусочков!

Очень эффектна вышивка подшейным волосом оленя. Мех у него под подбородком густой, волоски длинные, ослепительно белые и блестящие. Чаще всего ими вышивают по ровдуге — оленьей замше. Пучок волос прихватывают к основе стежками ниток, и получается белоснежный рельефный шов. Такая вышивка придает изделию законченность, хорошо сочетается и с меховой мозаикой, и с росписью по ровдуге.

Секрет красоты сибирских меховых изделий в их цветовой гармонии, в разнообразии и контрастах фактур. Мастерицы умело сочетают короткошерстные гладкие меха и мягкую бархатистую ровдугу с мохнатыми объемными опушками из шкур песца, лисицы, росомахи, собаки, соболя. Отделяют такие изделия бисером, вышивкой, красочными вставками и аппликациями из сукна. Искусная отделка

подчеркивает природную красоту и своеобразие каждого вида меха, который как бы задает тон всему изделию. Посмотрите на иллюстрации: на долганских унтах коричневый камус контрастирует с яркой вышивкой бисером, а ненецкая шуба украшена суконными лентами: полосы золотистого и белого меха ритмично чередуются со вставками из цветного сукна.

Природа Сибири подсказала мастерицам и мотивы для работы с мехом. В сшитых из камусов круглых ковриках запечатлели эвенки образ неяркого северного солнца: темные и светлые полоски меха, чередуясь, расходятся от центра подобно солнечным лучам. А женщины-долганки, пришивая к меху лоскутки красного и синего сукна, изображали северное сияние.

Многие виды национальной меховой одежды в наши дни перешли из повседневной жизни в музей, но сибирские традиции художественной обработки меха сейчас внимательно изучаются. Вековой опыт народных мастериц подсказывает художникам, как украсить нашу зимнюю одежду, а для меховых ковров и сувениров всегда найдется место и на выставке, и в современной квартире.

Егор Исаев,
поэт, лауреат Ленинской премии

Ненецкая сумка.
Мех, сукно, мозаика.
Начало XX века.

Ненецкая женская шуба.
Мех, сукно. Начало XX века.

Долганские торбаса.
Камус, сукно, бисер, вышивка.
Конец XIX века.

М. АГРАНОВСКАЯ

СЫН СВОЕГО НАРОДА

Имя Хертека Коштайовича Тойбухаа известно далеко за пределами Тувы: заслуженный художник РСФСР, лауреат Государственной премии имени И. Е. Репина, участник многих крупных выставок, один из самых знаменитых тувинских камнерезов.

Родился мастер в Бай-Тайге, что славна не только удивительным камнем агальматолитом, из которого режут тувинцы свои маленькие шедевры, но и своеобразной культурной средой, вырастившей многих известных художников. Как и большинство здешних мальчишек, Хертек в детстве увлекался резьбой. Из коры тополя и кедровых чурок создавал забавные фигурки людей и животных. Очень хотелось запечатлеть окружающую родную красоту, услышать одобрение уважаемых людей!.. Но художественного образования получить не удалось — тридцать лет проработал ветеринарным врачом, все свободное время отдавая скульптуре. Сельский интеллигент, самобытный художник большой культуры, он стал одним из организаторов Союза художников Тувинской АССР.

До своих последних дней Хертек Коштайович жил в родном Кызыл-Даге — поближе к природе и персонажам своих произведений. Зоркость художника, чувство формы и пластики тела, основанное на многолетнем изучении животных, помогают передать в маленькой статичной скульптуре определенное настроение, характер зверя, его постоянную готовность к движению.

Пружинистые мышцы ног и туловища, гибкие линии спины и шеи, тяжелая диадема рогов — и вот перед нами горный козел — серге. Само воплощение силы — свирепый сарлык, как называют в Туве яков. Настоящим чудическим из легенды воспринимается зверь арылан — таких не сыскать и в пустыне Гоби, притаившейся где-

то за хребтами гор. И странно: каждая скульптурка, способная уместиться на ладони, смотрится величественно и монументально! Столь же индивидуальны фигурки пастухов, борцов «хуреш», тувинцев в национальных одеждах.

У каждого мастера камень особый. Любимым камнем Тойбухаа был золотисто-рыжий, красноватый, с переходом от закатно-розового до серого. Скульптор не спешил — выберет материал и даст ему полежать. Только потом заготовка режется легко, инструмент идет плавно. Естественно и просто оживают формы будущего произведения, словно сами собой рождаются из накопленного и пережитого. Порой за неделю, а если работа идет споро, и того быстрее, миниатюрная скульптура готова.

Смотришь на нее и думаешь: чтобы так уверенно и точно воплотить слагавшиеся веками образные представления об окружающем мире, нужно вырасти среди этих гор и долин, стать своим среди скотоводов и земледельцев, как художник Хертек Тойбухаа. Стать сыном своего народа.

Ю. ХОЛОПОВ

Х. Тойбухаа.
Охотник.
Агальматолит. 1975.

Х. Тойбухаа.
Всадник на олене.
Агальматолит. 1979.

Х. Тойбухаа.
Бык.
Агальматолит. 1973.

Х. Тойбухаа.
Конь.
Агальматолит. 1978.

АКВАРЕЛЬ

Сегодня, дорогие ребята, на страницах нашего журнала делится своим богатым опытом замечательный мастер акварельной живописи Анатолий Владимирович КОКОРИН. Участник Великой Отечественной войны, он известен не только фронтowymi зарисовками, но и прекрасными иллюстрациями к книгам великого сказочника Андерсена, произведениям русских и советских писателей. Немало рисунков и акварелей создано им на основе впечатлений от поездок по Советскому Союзу и зарубежным странам.

Многие из нас уже в ранние годы познакомились с акварелью. Ведь все мы, за редким исключением, в детстве рисовали. Рисовали смело, интересно и, конечно, любили раскрашивать свои рисунки. Тут на помощь приходили акварель и цветные карандаши.

Все было просто. Потрешь мокрой кисточкой нужную краску, прикоснешься к бумаге, и возникли яркие картинки.

Так рождалось первое чувство творческой радости.

Потом те, кто посвятит себя искусству, узнают все многообразие, сложность, капризный характер и удивительные свойства акварели. Поймут, что овладение этим, казалось бы, таким простым материалом требует настойчивости и упорного труда.

По своей природе акварель прозрачна и ложится тончайшим слоем на бумагу, белый цвет которой, просвечивая сквозь слои красок, принимает самое активное участие в художественном процессе и придает произведению легкость и свежесть.

Акварель в отличие от масла не терпит длительного письма,

М. Врубель.
Царевна Волхова.
Н. И. Забела-Врубель
в роли Волховы
в опере Н. А. Римского-
Корсакова «Садко».
Акварель. 1898.
160,1×61,6.

и поэтому предварительно нужно строжайшим образом продумать все — общую композицию, характер цветовой гаммы, сколько будет затрачено времени — словом, необходим тончайший расчет. А чтобы сохранить свежесть акварели, требуется максимальная собранность, дисциплина, так как работа идет быстро.

Но ни в коем случае не следует спешить. Нервозность и спешка противопоказаны акварели — это ее враги.

Внутренняя собранность, чувство времени, спокойствие и творческое вдохновение — ее друзья.

Если работа длится два-три сеанса, то строгость к себе, естественно, повышается.

Чтобы добиться хороших результатов, акварелист должен безупречно рисовать с натуры. Изучение формы, штудировка фигуры человека, знакомство с произведениями старых мастеров заставляют стремиться к более ясному, обобщенному графическому языку. У настоящего мастера в конце концов рождается личное понимание пластической формы.

Добиться культуры рисунка — это главное.

Первоосновой искусства, будь то акварель, иллюстрация, даже быстрая натурная зарисовка, является композиция. Она определяет ход работы, и если композиция найдена и углубляет идею замысла, то все остальное, подчиняясь ей, обретает ясность.

На мой взгляд, слово «акварелист» несколько суживает представление о художнике, работающем в этой технике.

Не было еще мастера, который посвятил бы свой талант только этой технике и ничему другому. К акварели обращались во все времена многие живописцы, скульпторы, иллюстраторы.

В ней они видели иные, чем в масляной краске, темпере, гуа-

О. Домье.
Любитель искусств.
Акварель. Около 1865.
45×34.

А. Иванов.
Октябрьский праздник в
Риме у Понте Молле. Эскиз.
Акварель, итальянский кар,
1842.
30,2×55.

ши, возможности. Ведь большой мастер всегда многогранен и стремится познать и испытать разные материалы и техники, преодолеть возникшие трудности и тем самым обогатить свой опыт.

В творческом процессе все виды художественной деятельности находятся во взаимосвязи: без рисунка немыслима живопись, но она, в свою очередь, придает рисунку большую емкость, цветность; валяние помогает пластически осмыслить трехмерность формы; работа над гравюрой приучает к дисциплине и тонкому расчету, а акварель приносит свежесть и звучность цвета.

Ограничиться чем-то одним — значит обеднить себя, свое творчество.

Давно полюбил акварель за ее свежесть, прозрачность, звучность и, я бы сказал, жизнерадостность.

Не расстаюсь с ней и в поездках, когда ограничен временем, а кругом так много необычного и красивого. Акварель портативна и удобна в любых условиях.

Стремлюсь в работе с акварелью быть как можно строже к себе. Стараюсь не допускать никакой расплывчатости, то есть потери формы и пластической точности.

Краски бегут по сырой бумаге, образуя неожиданные сочетания, красивые потеки, и невольно начинаешь любоваться ими, и становится жаль расстаться с этой случайной красотой.

В этом опасность влажной бумаги.

Предпочитаю на одном листе прибегать к разным способам: где-то оставляю бумагу сухой, где-то по ходу дела увлажняю, а

рисунок карандашом или тростниковой палочкой с тушью очень часто играет значительную роль.

Все зависит от того, кто ты, что задумал, что перед тобой: лес, море, городская улица, портрет, интерьер... Каждый раз должно прийти решение, наиболее полно выражающее твое отношение к изображаемому.

Иногда выбранный объект бывает так выразителен, так соответствует твоему желанию и настроению, что решение, как изобразить его на бумаге, приходит моментально и ты забываешь обо всех трудностях и коварстве акварели и пишешь с полной самоотдачей.

Вот эти часы — самые радостные.

То, что собираюсь написать акварелью, предварительно рисую на отдельных листиках бумаги. Компоную, ищу наиболее выразительное расположение элемен-

тов, обобщаю, стараюсь найти более ясное решение. Не всегда все идет легко, но зато, когда ты удивлен поиском, акварель послушна тебе.

Больше всего меня влечет писать с натуры. Какая эта радость — оказаться рядом с природой, такой щедрой на красоту! Она как бы желает подсказать, что надо делать, чтобы твоя работа была ясной по форме, гармоничной в цвете, где нужно — построенной на контрасте, а где и на мягких полутонах.

Природа — лучший учитель для всех: начинающих и опытных мастеров. Ведь художник учится всю жизнь.

За свою многолетнюю практику убедился, как важно для акварели выбрать «свой» сорт бумаги.

Мне пришлось по душе дешевая, а такие роскошные, как энгр, торшон и прочие, лежат и ждут особого случая.

Рембрандт.

Кухня.

Сангина, перо, размывка

кистью, бистр.

Около 1656.

19,2×29,8.

К. Брюллов.

Портрет Г. Н.

и В. А. Олениных.

Акварель, графитный

карандаш. 1827.

42,6×33,5.

С. Герасимов.
М. И. Кутузов принимает
в Петербурге ополченцев.
Аquatint. 1953.
40,5 × 57,5.

Бумага должна соответствовать характеру твоего письма, откликаться на каждое твое прикосновение, но не раздражать, не сбивать с ритма.

Поэтому, испробовав всячески и много раз разные сорта бумаги, следует остановить выбор на той, которую можешь назвать своей.

Размер акварели может быть разным, но все же в определенных пределах. Сейчас довольно часто встречаешь метровые работы, они на меня действуют настоятельно. На таком обшир-

А. Кокорин.
Новгород.
Аquatint. 1966.
31 × 42.

ном пространстве акварель теряет свое собственное лицо. Она все-таки по своей сути ближе к камерности.

Берегитесь фломастера! Он коварен и легко вводит в заблуждение. Слишком уж бойко бежит его линия по бумаге. Всегда предпочитаю простой или угольный карандаш, перо, тушь, кисть, тростниковую или просто заостренную деревянную палочку. Они тоньше реагируют на твое чувство, меняют характер и напряжение линии, подчиняясь воле художника.

Пишу в основном щетинными кисточками. Они упруги, энергичны, а когда нужно, эластичны и деликатны. Есть любимые, уже изношенные, но я к ним привык и не выбрасываю.

Очень хороши краски ленинградской фабрики. Пользуюсь только ими. Есть у меня и «Виндзор», и голландская, и французская, но почему-то к ним не приспособился, и работы получаются вялыми.

В акварели можно прибегать к отмывке, чтобы исправить или удалить неудавшееся место. Но я стараюсь использовать этот способ лишь в самых крайних случаях. Если начнешь исправлять какую-то часть, то обязательно возникнет необходимость прикоснуться и к остальному. Глядишь, и акварель потеряла свое первое свежее дыхание.

Этюды, сделанные акварелью на природе, в дальнейшем в мастерской не трогаю. По опыту знаю, как опасно доделывать и исправлять без натуры.

Бывает, вдруг тебя охватывает чувство робости перед чистым, нетронутым листом белой бумаги. Боязно прикоснуться к нему. Происходит это, по-видимому, оттого, что задуманное еще окончательно не созрело в твоём сознании, не приобрело конкретности и, закрыв глаза, ты не видишь вынашиваемый образ в пластическом завершении.

Тогда я жду того момента, когда ясность придет.

А. КОКОРИН,
народный художник РСФСР,
член-корреспондент Академии
художеств СССР

В ДОМЕ НА БЛАГОВЕЩЕНСКОЙ

Как родилась картина Сурикова «Взятие снежного городка»

Идеалы исторических типов воспитала во мне Сибирь с детства; она же дала мне дух, и силу, и здоровье.
В. И. Суриков

12 января 1888 года художнику Василию Ивановичу Сурикову исполнилось сорок лет. К своим сорока он был уже одним из известнейших живописцев тогдашней России, автором знаменитых картин на историческую тему: «Утро стрелецкой казни», «Меншиков в Березове» и «Боярыня Морозова». Успех, признание, слава — все, что обычно понимается под этими словами, было сейчас у Сурикова. Однако он продолжал жить и работать с таким самочувствием, как будто эти успех, признание и слава не имели к нему ни малейшего отношения. Не имели даже сейчас, в день сорокалетия, который он, как мы можем догадываться, постарался провести незаметно, в тесном кругу семьи, без многолюдного застолья и неизбежных в таких случаях славословий. Письмо, отправленное им из Москвы в Красноярск, к матери и младшему брату Саше, как раз 12 января, мало чем отличается от других сибирских писем Сурикова: привычный, буднично-тон, неизменное: «Мы все, слава богу, здоровы». О сорокалети — ни единого слова.

Похоже, что Суриковы не предали огласке и другое свое семейное событие этого января: через две недели после дня рождения Василия Ивановича исполнялось ровно десять лет с тех пор, как он и Елизавета Августовна стали мужем и женой.

Но теперь уже только неделя оставалась до того часа, когда в дом Суриковых нагрянула необоримая беда.

Для Василия Ивановича никогда не было секретом, что сердце у его Лилиньки хворое, знал он и название недуга: порок. Не мог лишь предполо-

жить, что смерть так быстро, с воровской поспешностью, отнимет у него любимого, единственного друга. Лучшие врачи Москвы, его бессонные бдения у постели страдающей жены, слезы напуганных детей... «Ох, страшная, беспощадная это болезнь — порок сердца!» — напишет он позже брату.

Горе людское он не понаслышке знал, а нутром художника. В образах боли, скорби и муки представала старая Русь на трех полотнах, прославивших его имя. Это был, как позже его назовут, «триптих страдания».

Но что, если он сам, живописец, вызвавший из небытия стихию народной скорби, позволил ей слишком близко подкрасться к жизни своих родных? У него-то сердце выносливое, сибирское, но вот Лиле, легко ли ей было годами жить в соседстве с его страдающими героями? Да подчас в каком еще близком соседстве! Жена позировала ему, когда писал дочь Меншикова, ту, что сидит у ног отца и смотрит мимо зрителя прекрасным затуманенным взглядом. Нет, это он не Лилиньку изобразил, а сам ее недуг, большое ее сердечко.

Воспоминания изводили его, вставали между ним и жизнью глухой стеною. Он и до того жил годами по-затворнически, а теперь и вообще стал нелюдим, отказывался от встреч, избегал общения с другими художниками, даже в Красноярск

В. Суриков.
Дом Суриковых
в Красноярске.
Акварель, карандаш.

писал очень редко. Зато его часто можно было увидеть в кладбищенской церкви или возле могилки... Боль никак не проходила, и он все упорнее внушал себе: с живописью покончено. Из Красноярска приходили тревожные письма. Мама и брат просили приехать к ним с девочками на лето, а то, может, и на зиму захотят остаться, дом большой, и гимназия у них в городе хорошая.

В июне 1889 года он с дочерьми покинул Москву...

Дом действительно был большой, двухэтажный, со множеством лестниц, комнат и комнатусек, с голландскими печами и русской печью на кухне. Просторное прочное жилище поставили когда-то суриковские деды из векового листвяка. Правда, в детские свои годы Вася на второй этаж почти не забирался: верх дома постоянно сдавали состоятельным квартирантам, потому что после смерти мужа Прасковья Федоровна едва сводила концы с концами.

Ныне же, заранее узнав о приезде сына и двух маленьких внучек, она отказала жильцам. Самая большая комната второго этажа, так называемое «верхнее зальце», предоставлена Василию Ивановичу — для его занятий и досугов. Комната эта, к тому же и самая светлая, смотрится окнами сразу на двор и на улицу; там же, на втором этаже, и галерея-балкон, откуда открывается вид на северную часть города, на базар, на речку Качу, на Караульную гору, с часовней на самом верху.

Старый дом заметно пообветшал, огруз, но деньги для ремонтных работ у Василия Ивановича были отложены. Денег жалеть не нужно, ведь этот дом — гнездовье их старинной казачьей фамилии: первый Суриков, как знал теперь Василий Иванович, пришел в Сибирь еще с Ермаком, а выходцем был из донской казачьей станицы. Так что они с братом не худого рода, жаль только, если на них этот род прервется. Сам Василий Иванович твердо решил, что другой жены, а значит, и детей других у него не будет; но вот Саша почему до сих пор не женится? Славный, добрый, красивый Саша, он весь с утра до ночи в заботах — то по службе своей, то о родных, о маме. Изю всех сил старается развлекать москвичей, не дает брату грустить, уходить в себя. Глядишь, уже зовет их на очередную прогулку за город: коляска подана, можно поехать по Московскому тракту за Качу или к Бугачу, можно и за Енисей, в мамино родовое село Торгошино, где еще много дальней родни.

Когда-то в детстве Вася Суриков наблюдал в Торгошине лихую забаву, в которой вместе с молодежью участвовали и взрослые казаки. Перед постом, на масляной седмице, накатывали толсто-стенную и высокую снежную крепость, украшали ее затейливыми лепными арочками, зубцами, ледяными пушками, конскими головами. В назначенный час станичники — а в придачу и множество красноярцев — сходились-съезжались поглядеть, как будут «городок ломать». Большинство участников игры выстраивались перед крепостью двумя плотными стенами, образуя живой узкий коридор. Все «вооружены» — березовым ли, осиновым прутьем, словом, любой подвернувшейся

под руку веткой. Вот раздалось от дальнего конца коридора улюлюканье, накатывается конский топот. Значит, началась потеха, ватажка всадников ринулась по узкому проходу в сторону крепостной стены. Защитники городка изю всех сил стараются, чтобы нападающие не пробились к стене. Искусство всадника не в том только, чтобы доскакать до городка сквозь ор, гогот, град туманов, мельтешенье и свист ветвей. Главное, как поведет себя лошадь, вдруг очутившись перед непонятным отвесным препятствием? Какой силой и сноровкой нужно обладать, чтобы взвить коня точно перед оледенелой глыбой, кинуть его на пробой снежного оплота.

«Вот бы о чем тебе картину написать! — вырвалось однажды у Саши. — Глядишь, и вся Россия бы тогда узнала про нашу сибирскую забаву».

Это высказанное как бы невзначай Сашино пожелание незримо для Василия Ивановича запало ему в душу живучим семечком. С наступлением холодов он уже не раз замечал за собой, что хотел бы поторопить зиму, ускорить ее неспешное шествие, чтобы вдруг оказаться при самой масляничной неделе, в толпе торгошинских казаков и шмыгающих носами мальчишек... Но сначала нужно было темному Енисею пышно изойти клубами пара, раз и другой расколотить непрочные забереги, побуянить напоследок перед великими стужами. Город спросонья долго и беспомощно барахтается в седой кромешности, за несколько шагов не видать ни зги, и люди в домах среди дня не гасят свет. Это значит, пожаловал в свой черед настоящий мороз-сибирячок, тот самый, что в тайге стреляет живыми деревьями, а человека, высунувшего нос на улицу, ошеломляет первым же глотком воздуха, как будто вместо воды дали ему хлебнуть неразбавленного спирта... уже и забывать начал Василий Иванович, что водятся на земле такие морозы и что с ними тоже забавно побороться. Шутка ли, ровно двадцать лет не отведывал он сибирской зимы. И теперь узнавал ее свирепые повадки, входил во вкус ее суровых и щедрых забав.

Зато в комнатах — блаженная теплынь, воздух мягок и пахуч, от печей струится чуть кружащий голову жар, все вещи будто дремлют, а мамыны цветы в больших горшках на белых деревянных чурочках-подставках, кажется, подрагивают листвою, нашептывая про то время, когда он был еще маленьким. Сколько воспоминаний начинает в такие минуты роиться в сознании, и с каждой комнатой связаны свои, особые. Вот в этой узкой спальне, будто затиснутой между гостиной и столовой, все они в годы его детства спали на одной просторной кровати: мать с отцом и дети. На этой самой кровати мама и родила его. Вот у этого, кажется, окна любил он стоять и смотреть, как мимо дома проезжают по Благовещенской верхами казаки их Енисейского полка: вон отец, а вон дядя, увидел племянника в окне и озорно грозит ему рукой. Любо Василию Ивановичу и теперь отличить в толпе крепкую, ладную фигуру потомственного казака; особо для него притягательны красные, обветренные их лица, красные, оплетенные жилами руки. А жесткая кипень кудрей изпод шапок, а крутые скулы, а жилистые загрив-

В. Суриков.
Взятие снежного городка.
Фрагмент.
Масло. 1891.

ки, а глаза — в них огонь, то свирепый, то веселый, с лукавинкой.

Однажды в «верхнем зальце» поселяется непривычный для этих стен предмет, прямоугольный, вытянутый плоской поверхностью в длину, пахнущий свежеструганным деревом, просыхающей мешковиной. Всегдашнее волнение художника, стоящего перед чистым холстом, ныне для Сури-

кова усугублено переживанием, еще не оформленным до конца в словах, но глубоким, сильным. Он решился наконец приступить к сюжету, так непохожему на картины, по которым его отличают на выставках: «Это полотно кисти Сурикова». Дело не только в том, что впервые это будет сюжет не исторический. Событие, которое он собирается изобразить, окажется вне его всегдашней

темы страдания. Нет, он покажет тот же самый народ, того же самого русского человека, но увиденного не в часы скорби или душевной муки, а в пору радости, в миг удачества, озорной игры. Ведь не одним страданием, не одним многотерпеливым, из века в век, изживанием скорбей отличила себя душа русского человека среди иных народов. Историческую живучесть, подлинное величие народной души невозможно объяснить одной лишь терпимостью по отношению к бедам, готовностью вечно страдать, за себя и за других. И если смысл трудов исторического живописца состоит в том, чтобы как можно яснее разглядеть свой народ в его многовековом шествии по земле, то, значит, он, Суриков, до сего дня познал свой народ лишь отчасти, потому что опыт страдания — пусть и очевиднейшее, но все же не единственное слово народа о самом себе. Народ, привыкший только страдать и претерпевать, способен ли он выжить в веках, способен ли победить? Взять того же Ермака с товарищами, разве их толкало в Сибирь желание пострадать, лечь костями у ее порога? Их подвигала радость узнавания неведомых языков и земель, им головы кружила жажда удачества, даже спасительное легкомыслие порой не было им чуждо... Да, есть в народе неисчерпаемый, поистине золотой запас радости: чем безутешнее душа в скорби, тем щедрее, безоглядней выплеснется на волю радость!

И оттого стало ему любо искать в толчее людской веселые лица, с доверчивыми улыбками, с драгоценными лучиками морщин в углах глаз. И стал он заслушиваться музыкой смеха, чистого, без примеси желчи и раздражения. «Радуйся, радуйся, радуйся, — будто шептал ему кто-то, — ты у себя дома, среди любимых и любящих, ты у себя на родине, в кругу своих сибиряков, своего народа; круг этот простирается за леса и горы, на века назад и вперед, но сколько бы столетий ни проходило, душа народная не чахнет, в ней всегда живет охота радоваться, и радость эта может быть самой разной, не только громкой, но и целомудренно-молчаливой, но, если она есть в человеке, лицо его всегда начинает светиться».

Ни одно из своих больших полотен Суриков не писал так легко, стремительно, светясь. В «Боярыне Морозовой» тоже ведь было много снега, и день почти солнечный. Но сейчас снег у него прямо-таки цветет, радужно искрится под кистью. Сейчас небо сквозь морозные пары прямо-таки улыбается, как эта вот девушка-сибирячка, которую он попросил позировать для этюда. Он и ее напишет легко, быстро, потому что она то и дело улыбается — этому морозному дню, близости весны, близости забавы, смотреть которую вместе с подружками поедет в Торгошино... Василий Иванович ловит себя на том, что и он улыбается в ответ, и это тоже повод для удивления.

Вот что: он покажет во всем ее развороте великую стихию русской радости. Заразительной и главной, бескорыстной. В белом овчинном тулупчике, препоясанный красным кушаком, стоит посреди толпы восхищенно улыбающийся парень, румянощекий, кровь с молоком. Он только что плечом к плечу со взрослыми казаками держал стенку крепостной «стражи», истово нахлестывал

«ворога» — всадника и его коня, — чтобы не подпустить к городку. А теперь, забыв свое место и обязанность, любитесь удалцом, ломающим крепость, и правую руку с веткой высоко поднял, будто потрясает ею: победа!..

И наконец, радость самого победителя, с его нарочито суровым, почти насупленным лицом. Но и тут сквозь кожу скул проступает жар удачества, озорства, богатырской похвальбы: это, мол, что за невидаль, мы и в настоящую крепость, если надо, запрыгнем.

Среди разнообразно радующихся наблюдателей потехи Василий Иванович и брата поместил, как бы в знак благодарности за подсказку сюжета. Хотя, как знать, не сама ли Сибирь «подказала», сорокаградусными своими морозами растормошила его, чтобы вспомнил наконец о ней, взялся бы представить ее миру.

А раньше в нем как в художнике разве не заявлял о себе сибиряк? В «Стрельцах», в «Меншикове», в «Морозовой»? Кто бы еще так решительно усадил прямо на снег своего необутого, полураздетого юродивого! Только сибиряк мог столь зримо изобразить присутствие холода в сиром жилище опального петровского сподвижника. А разве при взгляде на его стрельцов не скажешь сразу, что это люди прочнейшей сибирской выделки?

Но все-таки именно «Взятием снежного городка» он по-настоящему открывает Сибирь для живописи, заявляет ее как полноправную тему русского искусства. И в первую очередь как свою собственную сокровенную тему. Именно сейчас, когда в доме на Благовещенской он прописывает фигуры удалых, пышущих здоровьем сибирских витязей, уже роятся перед ним иные образы: таких же витязей-удальцов, но не забаве предающихся, а творящих самый нешуточный подвиг «взятия» неведомой земли, целого царства, со множеством ощеренных частоколами крепостей.

Суриков будет отныне постоянно, чуть ли не каждое лето, приезжать в Сибирь, но уже не только в Красноярск, в родительское жилище. В поисках героев и персонажей будущего «Покорения Сибири Ермаком» отправится он в степи Хакасии, в Тобольск, на Обь, на Иртыш. И Сибирь щедро поделится со своим сыном «ликами красоты» — человеческой, природной. Красоту античных пропорций обнаружит он в лицах позирующих ему остяков, вогулов, минусинских татар. А великолепный этюд «Смеющейся девушки» положит начало целой портретной серии суриковских сибирских красавиц. Сибирь одарит его образами и для других картин, уже не связанных непосредственно с ее историей: именно среди своих земляков отыщет он прототипы Суворова, Разина.

После смерти матери он напишет брату слова, на которые способна лишь великая душа, да и то, может, только раз в жизни: «По всей земле исходи — мамочки не встретишь». Так нигде на целой земле не мог бы он найти для себя и другого дома, кроме того, родительского, из окон которого впервые увидел свет и стены которого, по пословице, помогали ему, когда уже, кажется, и никто бы не смог помочь.

Ю. ЛОЩИЦ

РОМАНТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ КРАЯ

Именно в Сибири сейчас во многом вершится будущее нашей страны. Словно сама история Родины предлагает нам здесь программу на будущее, дает возможность осмыслить величие того, что призваны мы, советские художники, отобразить в своих произведениях. Но, задумываясь о будущем, нельзя не вспом-

нить прошлое. Вспомнить, что все мы сегодня — и строители, и геологи, и рабочие, и хлеборобы, и ученые, и художники — продолжаем работу, начатую сотни лет назад русскими первопроходцами — открывателями Сибири.

*Гелий Коржев,
народный художник СССР*

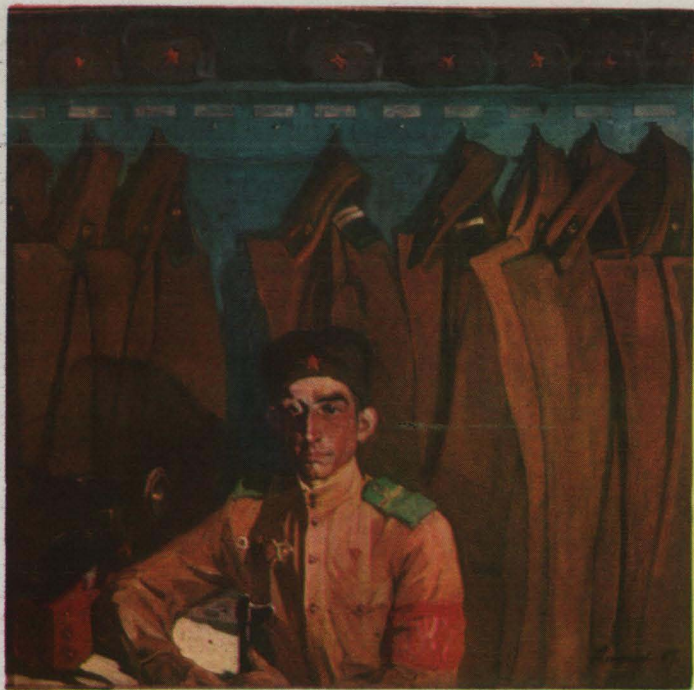
Однажды художнику-иркутянину Анатолию Ивановичу Алексееву задали вопрос: в чем выражается самобытность искусства иркутских мастеров? Только ли в том, что их тема — «Сибирь и сибиряки»?

— Конечно, — ответил Алексеев, — творчество наших художников вдохновляют поистине эпические картины созидания, величие и красота земли сибирской, неповторимая мощь самого прибайкальского пейзажа. Но каждый иркутский художник отличен индивидуальной манерой, кругом интересов. Каждый привержен заветным темам и, размышляя с кистью в руке об истории и современности Родины, о славе и доблести предков и о сегодняшних буднях человека труда, вкладывает в эти размышления личный гражданский опыт, особый лиризм...

Наглядным подтверждением слов мастера о самобытности искусства иркутян служит его же творчество, в котором сплавлены в единый романтический образ родной земли самые разные наблюдения и обобщения. Интерес к историко-революционной теме не отделим от горячего внимания к заботам современников. И образы строителей Саянской ГЭС сродни героям революции и Великой Отечественной войны. Центральные фигуры и элементы пейзажа, общий колорит и совокупность деталей — все в картинах и портретах Анатолия Алексеева пронизано активным интересом к воплощаемому событию, к изображаемому человеку.

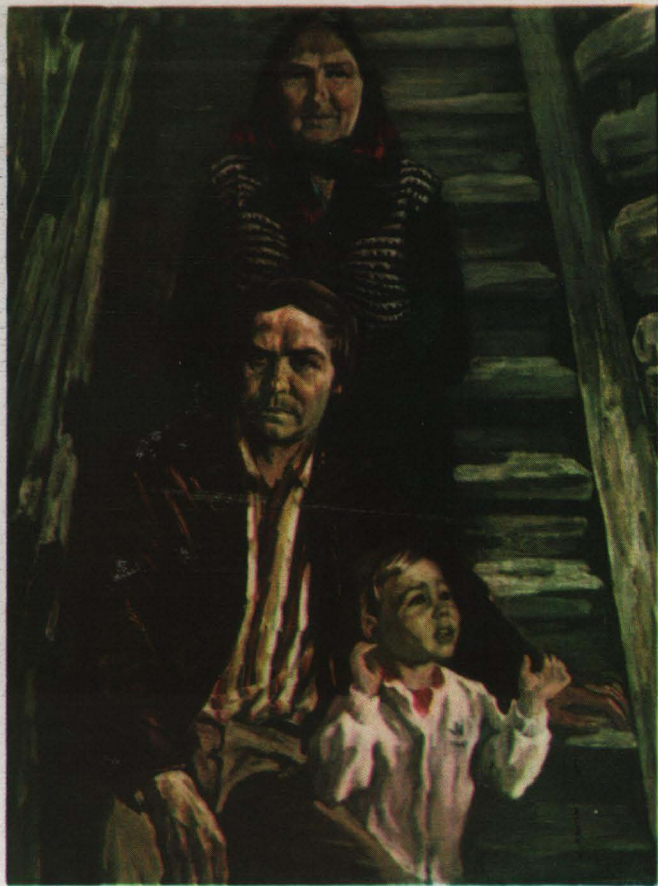

А. Алексеев.
Строители-скалолазы
Саянской ГЭС.
Масло. 1974.

А. Алексеев.
Дежурный погранзаставы.
Темпера. 1969.

А. Алексеев.
Писатель
Валентин Распутин.
Темпера. 1981.

Картины художника рождаются медленно. Их создано не так уж много за 25 лет творческой деятельности. Но в каждой невидимо, глубоко спрессованы усилия и поиски кропотливые, упорные. Всесторонне изучает автор избранную тему, подолгу, с большой требовательностью к себе пишет этюды, неоднократно меняет композиционный подход.

В картине «Семья» зрителям открывается многогранная тема сыновнего долга, решенная в двух изобразительных планах. Один план составляют реальные действующие лица, другой — представители той же семьи, вернее, целого сибирского рода, глядящие на своих потомков со старых фотографий. Диалог поколений, связь пути дедов с судьбой новых поколений подчеркивается всем строем картины, отчетливо звучит в ее психологической тональности:

Многофигурную композицию «Легендарная хроника» А. Алексеев посвятил тем, кто поднял знамя революции и защитил ее славы завоевания. Своим торжественным, суровым ритмом картина воплощает идею духовного завещания революционеров потомкам. Образ советского человека, несги-

баемого перед испытаниями и трудностями, его волевая собранность, верность долгу и вера в идеал находят логическое продолжение в историко-революционной картине «Клятва», живописном триптихе «Ежегодно 9 Мая в парке культуры», в полотнах на современную тему.

Мы видим идейных наследников революции в произведениях Алексеева о людях БАМа, Саянской ГЭС, о коренных жителях Сибири. Художник изучает характеры современников в поездках по Восточно-Сибирскому краю. Не один год он возглавляет творческую бригаду художников «Энергетика Сибири».

С волнением вспоминает друг Алексеева писатель М. Сергеев годы совместного участия в бурном строительстве Сибири: «Помню нашу юность, бессонные ночи на перекрытии Ангары в Братске, когда вместе со строителями толпились у наплавного моста и Александр Твардовский, и Борис Полевой, и кинематографисты, и большой отряд художников-иркутян. Помню настроение штурма...»

Настроение штурма, то есть готовности преодолеть препятствие, заложено в портретных образах

А. Алексеева. Кого бы он ни писал — безымянного дежурного погранзаставы или известного писателя Валентина Распутина, грациозную девушку из Гоби или молодого бамовца из поселка Звездный, — в каждом портрете подкупает внутреннее достоинство и нравственная цельность героя.

Сибирь обычно возникает в нашем представлении краем суровым, скучным на яркие, броские краски. Не случайно и лица людей на полотнах художника выглядят чуть усталыми, обветренными, неулыбчивыми. Но земля эта не только настойчиво требует сил, энергии, постоянной заботы человека, строящего здесь новые магистрали, возводящего гидроэлектростанции, сеющего хлеб. Она радует его красотой и мощью природы. И особенно радует художника-сибиряка. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на щедрые красочные пейзажи и натюрморты народного художника РСФСР Анатолия Ивановича Алексеева, чье искусство так естественно и прочно связано с родной Сибирью социалистической.

Н. ИВАНОВ

ПРОСТОРЫ БУРЯТИИ

— Все, что я делаю, связано с моей Родиной. Ее прошлое и современность, ее легенды и сказания, обычаи и быт народа стали темой моих графических работ — так говорит о смысле своего творчества народный художник РСФСР Александра Никитична Сахаровская. Она родилась и живет в Бурятии. Здесь, на юге Восточной Сибири, трудятся, занимаются любимым делом, воспитывают детей, мечтают о будущем ее герои. Даже одни названия основных графических серий Сахаровской утверждают неразрывную связь с прошлым и настоящим края, свидетельствуют о постоянстве ее интересов, о верности одной, но большой и многогранной теме. Свою малую родину, равноправную и дорогую часть Советской России, Сахаровская воспела в линогравюрах по мотивам народного эпоса «Гэсэр», в фундаментальных, многожанровых сериях «История одного улуса», «История моего народа», «Бурятский спорт», «Моя Бурятия», «Саяны», «Будни села», «Край, где проходит БАМ».

В процессе работы над сериями, посвященными Бурятии, худож-

ница постоянно изучает национальную культуру автономной республики, ее революционную историю, традиции народа, старинные обычаи, детали быта, особенности костюма. Александра Никитична считает, что в каждом листе предметы, домашняя утварь несут большую смысловую нагрузку, помогают раскрытию характера человека, лирического образа. Она так объясняет свой метод:

— Из всего увиденного — утварь, амбары, изгороди, дома, наличники окон, ворота — я стараюсь выделить самое характерное, чтобы подчеркнуть особенности жизни каждого района.

С исконной средой бурятского села в композициях Сахаровской сочетаются приметы современной — самолеты и вертолеты, автомобили и сельскохозяйственная техника, стальные магистрали и силуэты новостроек. Листы художницы одухотворены жизнью людей, активным ритмом. Конкретные места и люди, определенные взаимоотношения, характер труда или спортивного досуга составляют содержание гравюр. Обобщая натурные впечатления,

компоуя по памяти, художница нередко вводит в серии мотивы, взятые из жизни. И они являют завершенный образ, дают точное представление о людях горного поселка, о заботах полевого стана, об удали национального спортивного праздника.

А. Сахаровская использует различные техники: черно-белую линогравюру, литографию и цветную гравюру, акварель, темпера. Выбирая технику, автор тесно связывает ее с художественной задачей.

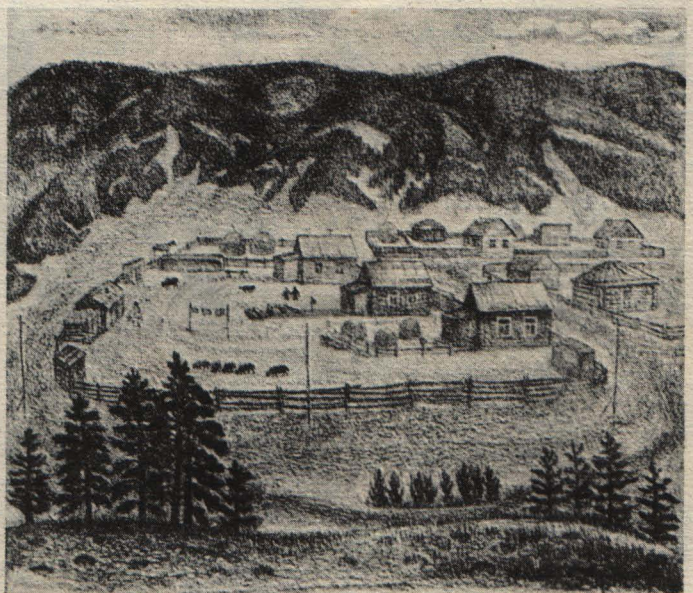
— Бурятию называют солнечной республикой, — говорит она. — Но даже в самый ясный день, когда едешь по степи, она вся как бы покрыта дымкой, нет резких контрастов, переходы мягкие, фигуры, предметы как бы сливаются с окружающей средой. Литография лучше других техник может передавать это состояние.

Убедительно и поэтично передает А. Сахаровская это состояние в листах «Сенокос», «Полдень», «В горном районе», с любовью и волнением изображая своих современников и сородичей — сегодняшних тружеников Бурятии.

Н. БЕГОВЫХ

А. Сахаровская.
Сенокос.
Литография. 1973.

А. Сахаровская.
Полдень.
Литография. 1978.

ОДЕЖДА И ВЫШИВКА ХАКАСИИ

Сибирь имеет свойство не поражать, не удивлять сразу, а втягивать в себя медленно и словно бы нехотя, с выверенной расчетливостью, но, втянув, связывать накрепко. Человек заболевает Сибирью. Всюду и долго после этого края человеку тесно, грустно и скорбно, всюду он

тяготится мучительной и неопределяемой недостаточностью самого себя, точно часть себя он навсегда оставил в Сибири.

Валентин Распутин,
писатель, лауреат
Государственной премии СССР

Из экспедиции в Хакасию сотрудники Научно-исследовательского института художественной промышленности возвратились с богатыми трофеями — фотографиями и зарисовками произведений народного искусства. Особенно ценным оказался материал по национальному костюму и вышивке. Это было своего рода открытием: никто не предполагал, что искусство, уходящее корнями в седую старину, не только сохранилось, но и активно живет в творчестве нынешних народных мастеров... Публикуем рассказ одного из участников экспедиции.

То памятное лето выдалось в Хакасии на редкость сухим и знойным. Каждое утро на пустынных по случаю жары улочках села Кайбалы появлялось несколько человек с большими папками и сумками, где лежали карандаши, кисти, краски, альбомы. Вездесущие мальчишки встречали их, и каждый старался показать, в каком доме хранится старинная одежда, вышитый кисет или трубка с инкрустацией.

Хакасская автономная область, входящая в состав Красноярского края, расположена на западе Минусинской котловины, одного из самых благодатных мест в Южной Сибири. Здесь сравнительно мягкий климат, часты солнечные дни. Енисей и его притоки изобилуют рыбой, в горно-таежных чащах много зверей и птиц. Места бога-

ты полезными ископаемыми, и в первую очередь железом, медью, золотом, серебром, оловом. Поэтому люди поселились тут очень давно и довольно быстро создали развитую культуру.

У хакасов исстари были широко распространены такие виды народного творчества, как кузнечное дело, ювелирное ремесло, резьба по дереву, ткачество, тиснение по коже и бересте. Но ярче всего та-

лант здешних мастеров проявился в изготовлении и украшении национальной одежды.

Как и у многих других народов, самые красивые наряды в Хакасии носят женщины. Основа костюма — платье. Оно широкое, свободное, длиною до пят. Обычно шьют его из ткани яркой расцветки: повседневное — из ситца или сатина, праздничное — из шелка. Но углы отложного воротника, обшлага рукавов, наплечники и ластовицы чаще делают из другого материала. Это и понятно, ведь наплечники и обшлага — главные декоративные элементы: здесь размещается вышивка. Цвета подбирают по принципу контраста. Скажем, к кумачовому или оранжевому платью — черные или густо-синие наплечники и обшлага, к желтому — темно-зеленые, к зеленому — снова черные...

В узорах вышивки тоже преобладают яркие, насыщенные цвета — малиновый, красный, оранжевый, желтый, синий, лиловый, которые особенно нарядно воспринимаются на темных фонах наплечников и обшлагов. Орнамент обычно геометрический. Рисунок его четок и хорошо скомпонован, причем вряд ли вы сыщите две совершенно одинаковые композиции. Соотношение узора и фона, ритм их чередования тоже говорят о композиционном чутье и тонком вкусе вышивальщиц.

Если рассказывать о технике, то это сочетание тамбурного шва, которым мастерицы выявляют линии рисунка, и вышивки гладью, заполняющей этот контур внутри. Старинные узоры выполнены шелком, сейчас больше в ходу обычное мулине.

Геометрический орнамент особенно характерен для южных, степных районов Хакасии. В северных же, подтаежных, преобладают растительные мотивы. Орнаментальные формы здесь крупные — да их и не так уж много — и силуэт стебля, листьев, цветка четко читается на фоне темного сукна или шелка.

Другая особенность женской одежды северных районов Хакасии — низ платья довольно часто украшают цветными полосами, наподобие нашего сарафана. Как и растительный узор, это заимствование из традиционного костюма русского населения, с которым

Праздничный костюм хакасской женщины. Степной район.

Хакасская женщина в праздничном платье. Подтаежный район.

Нагрудное украшение пого.

Вышитые рукавицы.

хакасы бок о бок живут уже несколько веков.

Еще одно отличие — общий смягченный колорит наряда. Здесь не встретишь горячих, открытых цветов, столь характерных для юга Хакасии, где, кажется, все пылает, все искрится на солнце. Оттенков одного красного можно там различить не меньше десятка: киноварный, алый, вишневый, терракотовый, коричневый... Одежды эти

невозможно представить вне степных пейзажей, с выжженной солнцем травой, с горячим маревом на фоне словно выцветшего неба. Они органичны здесь, и некоторая резкость цветов оказывается смягченной и точно угаданной.

Да, хакасскую женщину в национальной одежде непременно надо увидеть в окружении природы Хакасии, среди просторов степей, чтобы ощутить монументальность

и суровую простоту кроя, слитность узора и колорита вышивки с плавным ритмом сопок, встающих там, где исчезает, растворяясь в жарком мареве, степь. На фоне зеленых массивов тайги и седых каменных скал, чтобы увидеть, как по-иному воспринимается его силуэт в окружении более суровой, сдержанной по краскам природы и как влияет это на выбор цвета ткани, на масштаб орнамента...

На голове у хакасской женщины чаще всего *арчал* — шерстяной платок вроде павловского. Каждая хакасса умеет искусно повязывать его, превращая в подлинное завершение наряда.

Весной и осенью хакасы носили суконное пальто, *сипкен*, которое почти не отличалось по покрою от русского армяка с цельной спинкой. Воротник и обшлага своих сипкенов женщины обшивали черным бархатом или плисом и расшивали шелком или шерстью. Но самой нарядной деталью была спинка, которую вышивка заполняла сплошным ковровым узором.

Зимняя одежда — шуба из овчины, *тон*. Для мужчины ее кроили в талию, с узкими клиньями, расширяющимися к подолу. Сзади шуба доходила до пят, спереди была чуть короче. Рукав заканчивался полукруглым выступом, прикрывающим руку. Ворот делали отложной, круглый. Такая одежда была очень удобной для верховой езды в самое холодное время.

Женская шуба покроем похожа на мужскую. Запахивалась она тоже слева направо, но не подпоясывалась, а лишь застегивалась на пуговицы. Глубокие складки подола сзади на талии скрепляли разноцветными шелковыми нитками — *тартханами*. Стежки располагались в шахматном порядке, причем концы ниток свисали с обеих сторон красивыми кисточками *чачах*. Над каждым тартханом, чуть выше шва, располагались *праты* — матерчатые аппликации разного цвета, расположенные всегда в определенном порядке. Приглядитесь к соответствующей иллюстрации — тартханы и праты составляют совершенно оригинальное

украшение хакасских женских шуб.

Несколько слов о своеобразной обуви — *одик* — из кожи домашней выделки. Каблуков она не име-

ла, голенища под коленом подвязывали ремешками. На мужскую обувь для зимы шел также олений, конский и козий камус — она была мягкой, теплой и очень удобной для ходьбы. А женскую шили из овчины или козьей шкуры шерстью вовнутрь. Подошву, задники

Вышивка на спинке шубы.

Кисет с вышивкой.

и перед обшивали кожей, верх нередко украшали вышивкой.

Тоже из овчины, белой или черной, шили зимние рукавицы. Их оторачивали мехом и отделявали полосками ткани, а тыльную сторону расшивали красивым узором. Изготовление таких рукавиц, *мелей*, и сегодня одно из самых распространенных ремесел в Хакасии.

Важной деталью наряда хакасской женщины являются украшения из перламутра, кораллов, бисера, серебра. Первенство здесь по праву принадлежит *пого* — нагрудному украшению, которое в старину носила поверх шубы сваха. Теперь его чаще всего надевают как декоративное дополнение к национальному платью.

Пого изготовлялось из куска дубленой кожи, которой придавали полуовальную форму, а затем украшали перламутровыми пластинками, раковинами, пуговицами, кораллами, бисером. В старинных пого можно проследить орнаментальные схемы, ведущие начало из глубины веков. Скажем, они близки узорам на личинах каменных изваяний Минусинских степей III—II тысячелетий до нашей эры. Ныне, в основном следуя традиционным схемам, мастера вносят в композицию немало своего. Например, иначе выделяют центр и подчиненные детали, придерживаются других орнаментальных ритмов. В отличие от древних пого украшения они нашивают на цветное сукно, бархат или плис, а им уже обтягивают заготовку из дубленой кожи. Изготовлением таких вот оригинальных произведений народного искусства заняты сегодня многие женщины как в степных, так и подтаежных районах области.

Да, удивительно, но факт: древнейшие ремесла живут в Хакасии по сей день. И очень хорошо, что в некоторых школах, городских и сельских, им обучают мальчишек и девчонок. Занятия ведут опытные мастера, среди которых М. Ф. Кыжинаева, И. Е. Курбежкова, М. И. Дорина; они сами отменно владеют всеми приемами ремесла и умело передают их школьникам. Все это радует. Никак нельзя, чтобы красота ушла из повседневной жизни.

Ю. МАКСИМОВ,
кандидат педагогических наук

ОТ ТБИЛИСИ ДО ЮРГИ

В городе Юрге Кемеровской области состоялась выставка рисунков юных художников Грузии. Вот что рассказывает об этом директор Тбилисской детской картинной галереи имени Е. Ахвледиани Автандил Кухианидзе:

— Далеко от солнечного Тбилиси сибирский город Юрга, но расстояния для дружбы не помеха! А в том, как сильна дружба детей нашей многонациональной страны, можно убедиться, побывав в интереснейшем Музее детского изобразительного искусства, где собраны живописные и графические работы учащихся общеобразовательных и художественных школ, изостудий и кружков различных районов Сибири и Дальнего Востока. Мне посчастливилось открыть здесь выставку юных грузинских художников, которая была посвящена 200-летию дружественного договора между Россией и Грузией. Это был настоящий праздник не только для юргинских

Инна Иванова,
10 лет.
Мальчиш-Кибальчиш.
Гуашь.
Дом пионеров г. Кемерова.

Оля Скворцова,
11 лет.
Дети. Батик.
Дворец пионеров
г. Красноярска.

Света Григорьян,
15 лет.
Силосование. Линогравюра.
ДХШ г. Исиль-Куля
Омской обл.

мальчиков и девочек, но и для ребят близлежащих городов и сел. Рисунки грузинских детей пришлось по душе сибирякам.

Музей в Юрге проводит большую работу по организации конкурсов, участию во всесоюзных и международных выставках. Часто здесь экспонируются рисунки школьников из разных республик и городов нашей страны. Руководители музея мечтают о создании художественного центра, где будут представлены произведения ведущих мастеров Сибири и Дальнего Востока.

Осенью этого года Музей детского изобразительного искусства Юрги будет экспонировать ответную выставку в залах Детской картинной галереи имени Е. Ахвледиани в столице Грузии Тбилиси.

Этим положено хорошее начало творческому содружеству юных художников Сибири и Грузии.

Лариса Логвин,
10 лет.
Бегуны. Гуашь.
ДПШ имени Крупской
г. Челябинска.

ЮНЫЕ ХУДОЖНИКИ АНГАРСКА

Яркие, красочные листы заполнили большие окна и застекленные витрины школьного фасада. С доброй улыбкой всматриваются прохожие в эту импровизированную выставку. Их привлекают живописные и графические композиции, посвященные темам мира, труда, счастливого детства.

Стало традицией у ребят ангарской ДХШ в предпраздничные дни украшать свое здание самыми лучшими рисунками. Это их подарок родному городу.

В Ангарске хорошо знают и любят художественную школу, расположенную в прекрасном доме с удобными мастерскими, кабинетами, просторным актовым и выставочным залами. Здесь каждая вещь, от гипсовой скульптуры и декоративного букета в интерьере до самого маленького объявления на информационном стенде, призвана воспитывать художественный вкус детей. Обстановка, декоративное оформление, выставочные экспозиции и даже цвет стен, мебели продуманы до мелочей.

Всмотритесь в рисунки юных ангарчан, и вы поймете, за что мы любим наш молодой и красивый город. Любим его широкие улицы с взметнувшимися кронами сосен среди современных архитектурных сооружений. Сосны эти бережно сохранялись строителями с первых дней основания города, и сейчас уже трудно представить облик Ангарска без стройных таежных красавиц. Мы гордимся его удивительной, хотя и очень короткой биографией. Город, рожденный победой, — так называется он в героической летописи первостроителей. Мы чувствуем трудовой ритм города рабочих профессий, города-труженика.

Ребята рисуют. Может быть, именно здесь, у мольбертов, они впервые познают радость творчества, поиска и обретения ремесла.

Они учатся основам изобразительной грамоты, готовятся к жизни, труду. Но уже сегодня многое можно сделать, чтобы полученные знания, навыки служили культуре родного города. Это выставки рисунков, участие в оформлении школы, с увлечением проведенная беседа у картины в музее или на выставке, бережное отношение к природе, красоту которой ты впервые почувствовал как художник.

Почти все преподаватели школы — ее бывшие выпускники. Они молоды, как и наш город. Это их силами, их творческой мыслью, терпеливыми руками создается облик ДХШ. Совместно с ребятами выполнены витражи в вестибюле, декоративные вставки и панно в коридорах и залах. Гордость школы — кабинет истории искусств. Его украшает настенная роспись, авторская работа молодого художника-педагога.

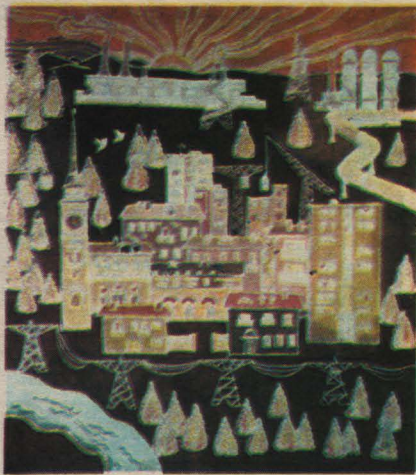
А какие веселые праздники проводятся в школе силами са-

мых ребят! Новогодний бал-маскарад — это своеобразный смотр их изобретательности: привычные мастерские с помощью фантазии и кисти превращаются в волшебные дворцы и неведомые страны, а одноклассники — в самых неожиданных сказочных героев. Торжественный ритуал «Посвящение в мир прекрасного» организуют для первоклассников выпускники.

В дни Недели изобразительного искусства в школе устраиваются большие выставки детского творчества. Часто к нам приходят на экскурсии ребята из детских клубов, школ, училищ, художники и просто любители искусства. Многие из них посещают вечернюю изостудию, занятия народного университета культуры, которые на общественных началах ведут наши преподаватели. Желающих рисовать всегда много. Так постепенно школа стала своего рода художественно-методическим центром, и сфера ее влияния все расширяется. Это

Учащиеся ДХШ г. Ангарска на этюдах.
Фото.

Олег Кравченко,
15 лет.
Ангарск.
Вагик.

Алеша Копыток,
14 лет.
ВАМ.
Гуашь.

Саша Янковская,
17 лет.
России верные сыны.
Гуашь.

Лена Авдеева,
12 лет.
Натюрморт, посвященный
Дню Победы.
Акварель, гуашь.

мой дом родной» была выполнена в подарок сельским школьникам. Рисунки, коллаж, аппликации, а главное — совместное творчество, когда трудятся все на равных.

Ежегодно 9 Мая проводится конкурс рисунков на асфальте, посвященный Дню Победы. Солнце, шары, цветы, птицы, нарисованные цветными мелками, появляются в этот день на улицах Ангарска. Яркий, нарядный, праздничный подарок дарят дети своему городу.

ДХШ в Ангарске уже пятнадцать лет. Более 500 воспитанников окончили ее за это время. Не-

Наташа Давыдова,
11 лет.
Света Лемешко,
12 лет.
Лариса Метрякова,
13 лет.
Варышня в голубом.
Клоун с собакой.
На базаре.
Керамика.

которые из них, продолжив образование в художественных училищах и вузах, ныне работают архитекторами, художниками, преподавателями в нашем городе и Иркутской области.

Педагоги с интересом следят за успехами бывших учеников, беседуют с ними на вечерах встречи и на областных молодежных выставках. Атмосфера дружбы, творчества — самое главное, к чему стремится педагогический коллектив школы.

Растет и хорошеет Ангарск. В его красоте, культуре — частичка и нашего труда, нашей любви к нему.

Л. КОРЖ,
директор ДХШ

г. Ангарск
Иркутской области

ВЫСКАЗЫВАНИЯ О СИБИРИ

Сибирь, куда царские власти ссылали революционеров, где собирались задушить, «заморозить» самое Революцию, становилась той благодатной, жизнотворной почвой, где люди проверялись на прочность. И где возрастали поэтому неистребимые семена Революции. Всегда революционеры возвращались в Россию, оставляя за собою в Сибири, в ее глухих таежных селах свои новые организации... Более того, они оставляли всему трудовому народу Сибири свои мысли, свое отношение к жизни, свое бесстрашие и героизм.

Георгий Марков,
писатель, лауреат
Ленинской премии

Бывает, что докладчики с мест, выдвигающие местную проблему и защищающие местные нужды, частенько впадают в некоторое хвастовство. Но вот если Сибирь говорит о своих богатствах, тут нечего опасаться такого уклона, ибо вопрос об ископаемых богатствах Сибири и об утилизации этих богатств — это даже не вопрос СССР, а вопрос мирового порядка.

Г. М. Кржижановский,
советский партийный,
государственный деятель,
академик

Я полюбил эту огромную страну, раскинувшуюся вишь и вдаль, как море, от Урала до Тихого океана, с ее обширными равнинами и горами, с замерзшими берегами Ледовитого океана, пустынным привольем тундры и таинственными дебрями тайги, волнистыми степями, синими лесными горами...

Фригьф Хансен,
норвежский путешественник,
исследователь Арктики

Поиски по-настоящему современной темы привели меня в Сибирь. Бескрайность сибирских просторов, грандиозность дел человека, дающих им новую жизнь, стали моей главной темой. Мне приходилось бывать на Байкале и Ангаре, в Барабинской степи и Тобольске. На моих глазах начиналось строительство Иркутской и Братской гидроэлектростанций... Тема Сибири, преображенной руками человека, неисчерпаема, и, только работая с полнотой самоотдачей, можно найти по-настоящему новые ее решения.

Юрий Подляский,
народный художник РСФСР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЮЗА
ХУДОЖНИКОВ СССР,
АКАДЕМИИ
ХУДОЖЕСТВ СССР,
ЦК ВЛКСМ

ЮНЫЙ ХУДОЖНИК

Основан в 1936 году.

7. 1984

В НОМЕРЕ:

1.	РАЗГОВОР НА ВАЖНУЮ ТЕМУ Сибирь древняя и молодая	А. П. Деревянок
4.	ПОРТРЕТЫ МОЛОДЫХ В. Викторов и Е. Пожарский	Н. Платонова
6.	Енисей в творчестве художников	И. Давыденко
11.	МУЗЕИ Сибирская сокровищница искусства	А. Фатьянов
18.	ПАМЯТНИКИ РОДИНЫ Томские «хоромы»	
23.	Художник-декабрист Бестужев	Е. Ячменев
26.	ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ Панорама Великого Сибирского пути	В. Шумков
28.	НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО Узоры, которые греют	М. Аграновская
42.	Национальная одежда и вышивка Хакасии	Ю. Максимов
29.	ХУДОЖНИКИ СИБИРИ Х. Тойбухаа	Ю. Холопов
39.	А. Алексеев	Н. Иванов
41.	А. Сахаровская	Н. Беговых
30.	УРОКИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА Акварель	А. Кокорин
35.	РАССКАЗЫ О ШЕДЕВРАХ В. Суриков. «Взятие снежного городка»	Ю. Лоциц
45.	РИСУЮТ ДЕТИ От Тбилиси до Юрги	А. Куханидзе
46.	В ШКОЛАХ И СТУДИЯХ Юные художники Ангарска	Л. Корж

На 1-й странице обложки: А. В ы ч у г а н и н. Портрет скульптора Олега Ряшенцева. Темпера. 1966. 190×195. Иркутский областной художественный музей.

На 2-й странице обложки: Вл. Ц и г а л ь. Памятник В. И. Ленину в Шушенском. Гранит. 1972.

На 3-й странице обложки: А. С т е п а н о в. Красноярская ГЭС. Линогравюра. 1967. Красноярская художественная галерея.

На 4-й странице обложки: В. Суриков. Портрет О. В. Кончаловской в детстве. Масло. 1888. 135×80. Государственная Третьяковская галерея.

Главный редактор Л. А. Шитов

Редакционная коллегия: А. Д. Алехин, Э. Д. Амашукели, И. А. Антонова, Я. Я. Варес, А. М. Грицай, Н. М. Иванов, О. К. Комов, Г. М. Коржев, М. М. Лабузова, А. А. Мыльников, Д. А. Налбандян, К. Л. Петросян, Н. И. Платонова (зам. главного редактора), Н. А. Пономарев, О. М. Савостюк, Т. С. Садьков, В. П. Сысоев, А. П. Ткачев, В. И. Фаргышев (ответ. секретарь), В. М. Ходов, Л. И. Швецова, Т. Н. Яблонская
Главный художник А. К. Зайцев

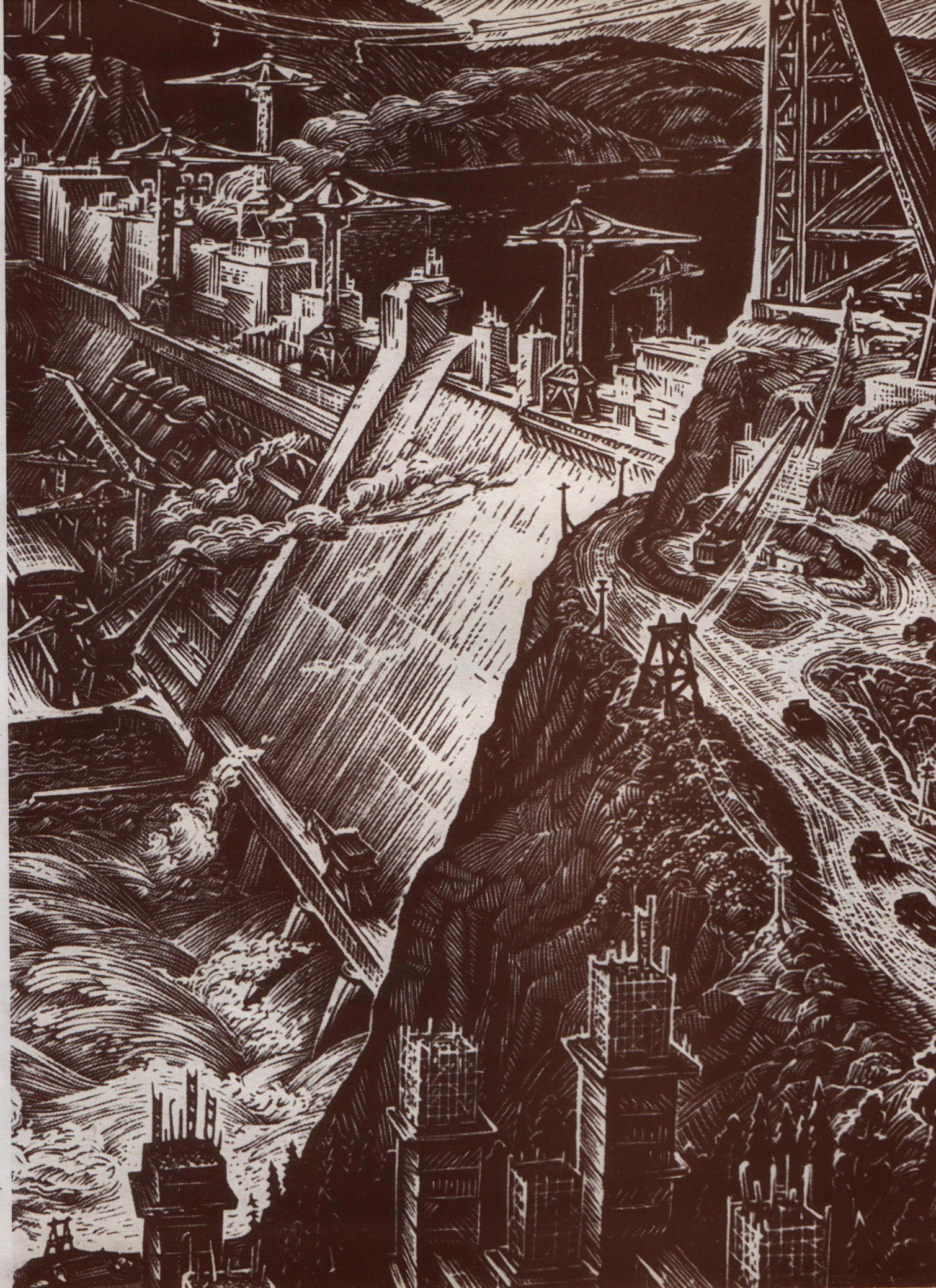
Макет художника В. Я. Дургина
Художественный редактор Ю. И. Киселев. Фотограф С. В. Майданюк
Технический редактор В. И. Куркова

Адрес редакции: 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а

Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 14.05.84. Подп. в печ. 22.06.84. А00732. Формат 60×90¹/₈. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6. Усл. кр.-отт. 25,5. Уч.-изд. л. 6,9. Тираж 180 000 экз. Цена 70 коп. Заказ 670.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцеская ул., 21.

70 коп.

ISSN 0203-5791

Индекс 71124